

*От них исходило
душевное тепло*

Коллектив авторов

**От них исходило
душевное тепло (сборник)**

«ИП Князев»

2014

Коллектив авторов

От них исходило душевное тепло (сборник) / Коллектив авторов — «ИП Князев», 2014

Сборник посвящен памяти известных ученых-паразитологов, доктора биологических наук С.С. Шульмана и его супруги, кандидата биологических наук Р.Е. Шульман-Альбовой, которые прошли вместе рука об руку всю жизнь. В него включены воспоминания учеников, друзей и родных, большей частью ранее не публиковавшиеся, а также малоизвестные фотографии и архивные документы. Приведена библиография трудов С.С. Шульмана. Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественного естествознания XX века.

© Коллектив авторов, 2014

© ИП Князев, 2014

Содержание

Лия и Борис Шульманы	7
Соломон Самуилович Шульман, доктор биологических наук (7 марта 1918 г. – 26 апреля 1997 г.)	8
Рахиль Ефремовна Шульман – Альбова, кандидат биологических наук (28 октября 1918 г. – 21 марта 1986 г.)	10
Наш дом	11
Воспоминания об С.С. Шульмане	26
Этот милый, добрый дом	27
Дом друзей	28
Вместе всю жизнь	29
От Рядового солдата до доктора наук, или Прикрыл отход Роты!	32
Я храню самую добрую память об этих людях	37
Мои встречи с профессором С.С. Шульманом[2]	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

От них исходило душевное тепло: С.С. Шульман и Р.Е. Шульман-Альбова К 95-летию со дня рождения

*Имя твое – корни прошлого.
Имя, фамилия, род...
Как много всего хорошего
Нам это в жизни дает!
И тянется эта ниточка
Годы – из века в век...
От Бога эта тропиночка
К тебе ведет, человек!*
Лия Шульман, 1997 г.

© Л.С. Шульман, Б.С. Шульман, 2014

* * *

Рахиль Ефремовна Шульман-Альбова, рисунок Лии Шульман, 1983 г.

Соломон Самуилович Шульман, рисунок М.В., Камчатка, 1970 г.

Идея написания этого сборника родилась почти сразу же после кончины нашего Отца.

Мы рассказали об этом всем близким людям, нашим родным и друзьям. Все поддержали нас и с энтузиазмом взялись за дело.

Никто не виноват, что у одних этот процесс пошел быстрее, у других медленнее. Одни написали раньше, другие – позже. Так получилось. Никто не виноват и в том, что сборник этот издается лишь сейчас. Так уж получилось...

Но важно другое: за годы подготовки книги из жизни ушли многие, написавшие и призвавшие нас свои воспоминания.

И потому мы, дети Соломона Самуиловича Шульмана и Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой, посвящаем этот сборник не только памяти наших родителей, но и памяти всех ушедших.

Лия и Борис Шульманы Увидеть и понять себя

Вместо предисловия

Человеческая память – увы – несовершенна. За чередой дней, месяцев, лет, за работой и делами (большими и маленькими) незаметно забывается то, что, казалось, будешь помнить вечно. И здесь уместно привести слова друга нашей семьи профессора Ф.С. Энтелиса: «Человек, забывающий свое прошлое, не достоин своего будущего».

Нам, детям Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой и Соломона Самуиловича Шульмана, хочется быть достойными будущего, оставив в память о наших родителях добрые, теплые слова всех знавших и любивших их. Написать эти слова «из души», а также отредактировать, оформить и напечатать написанное мы пригласили всех их друзей, учеников и добрых знакомых, вспомнив любимую фразу нашего отца: «Если хочешь увидеть и понять себя – посмотри на друзей своих».

Лия и Борис Шульманы

У входа в Зоологический институт Академии наук СССР Рахиль Ефремовна и Соломон Самуилович Шульманы, сентябрь, 1968 г.

Соломон Самуилович Шульман, доктор биологических наук (7 марта 1918 г. – 26 апреля 1997 г.)

Официальная справка

Соломон Самуилович Шульман родился 7 марта 1918 года в городе Ярославле в семье врача. В 1922 году семья переехала в Ленинград. В 1941 году Соломон Самуилович окончил Биологический факультет Ленинградского государственного университета (кафедру члена-корреспондента АН СССР профессора Валентина Александровича Догеля). С самого начала Великой Отечественной войны С.С. Шульман ушел добровольцем на фронт и участвовал в обороне Ленинграда, в том числе сражался на двух «пяточках» Ленинградского фронта (Ораниенбаумский плацдарм и Невская Дубровка). Был трижды тяжело ранен. За участие в боевых операциях награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За оборону Ленинграда».

В 1944 году, вследствие полученных тяжелых ранений, С.С. Шульман стал инвалидом войны и был демобилизован из армии. Врачи запретили ему работать, и в особенности заниматься научной работой. В госпиталь города Рыбинска, где Соломон Самуилович находился на лечении, пришло письмо от В.А. Догеля с приглашением поступить к нему в аспирантуру. Однако тогда в аспирантуру С.С. Шульман не попал. Не попал он и на родную кафедру, но до конца своих дней, где бы он ни работал, он неизменно поддерживал с ней связь.

В послевоенные годы в разные периоды своей жизни С.С. Шульман работал в Институте рыбного хозяйства (1945–1950 гг., Ленинград), Биологическом институте Карельского филиала АН СССР (1950–1958 гг., Петрозаводск), Зоологическом институте АН СССР (1958–1986 гг., Ленинград), Институте экологии Волжского бассейна РАН (1986–1997 гг., Тольятти).

Деятельность С.С. Шульмана имела не только научный интерес, но и большое народно-хозяйственное значение. Он выезжал в те регионы, откуда приходили телеграммы о массовой гибели рыб. Приезжавшие к нему за консультацией специалисты, аспиранты, докторанты получали не только научную консультацию, но и зачастую большую, чисто человеческую поддержку. Многие специалисты, не будучи его прямыми учениками, начинали считать себя таковыми; большинство из них потом становились близкими друзьями всей семьи.

С 1945 года и до конца жизни С.С. Шульман принимал участие во многих экспедициях в разные концы страны – от Карелии до Камчатки, от Белого до Японского моря. Были и зарубежные поездки: советско-китайская экспедиция по исследованию бассейна реки Ляохе (1958), участие во II Международном конгрессе протозоологов в Лондоне (1965).

С.С. Шульман – признанный мировой авторитет в области экологической паразитологии, зоогеографии паразитов рыб; он был крупнейшим специалистом по миксоспоридиям. Его монография «Миксоспоридии фауны СССР», изданная в 1966 году, в 1988-м была переведена на английский язык и издана в США. Им также впервые были опубликованы крупные разделы по паразитическим простейшим рыб в «Определителе паразитов пресноводных рыб фауны СССР», разные тома которого были изданы в 1964 и в 1984–1987 годах. Первое издание было переведено в 1966 году на английский язык и опубликовано в Израиле.

В своих трудах С.С. Шульман развил основные положения экологической паразитологии, впервые сформулированные В.А. Догелем. С.С. Шульманом была предложена гипотеза о многоклеточной природе миксоспоридий; он внес существенный вклад в понимание происхождения многоклеточных животных.

С.С. Шульман – автор 200 статей и 7 монографий. Он активно занимался педагогической деятельностью: читал лекции (Ереван, Ярославль, Петрозаводск, Калининград), консультировал студентов, аспирантов, докторантов, подготовил более 50 кандидатов и докторов наук, работающих сейчас в разных странах.

Олег Пугачёв, Санкт-Петербург

Рахиль Ефремовна Шульман – Альбова, кандидат биологических наук (28 октября 1918 г. – 21 марта 1986 г.)

Официальная справка

Рахиль Ефремовна Альбова родилась 28 октября 1918 года в Петрограде в семье служащих. В 1941 году она окончила Биологический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ, кафедра члена-корреспондента АН СССР профессора Валентина Александровича Догеля) и была приглашена к нему в аспирантуру. Однако учебе в аспирантуре помешала война. С начала Великой Отечественной войны Р.Е. Шульман-Альбова работала по оборонной тематике в Университете, а с осени 1941 года и всю зиму 1941/1942 года – во 2-м Медицинском институте на кафедре общей биологии.

В январе 1942 года Рахиль Ефремовна стала женой С.С. Шульмана. В апреле 1942 года вместе с Медицинским институтом была эвакуирована в г. Красноярск. В октябре 1942 года был создан Красноярский медицинский институт, где Р.Е. Шульман проработала до ноября 1944 года на кафедре биологии – сначала старшим лаборантом, а затем ассистентом кафедры. В 1944 году Рахиль Ефремовна ненадолго переехала в г. Рыбинск, где преподавала в Рыбинской фельдшерской школе, а затем возвратилась в Ленинград. С марта 1944 года – она лаборант на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского государственного университета, а с января 1945-го – аспирантка В.А. Догеля.

После защиты кандидатской диссертации Р.Е. Шульман 8 лет проработала в Институте биологии Карельского филиала АН СССР (1950–1958 годы, Петрозаводск). Там в должности младшего научного сотрудника она занималась изучением иксодовых и гамазовых клещей Карелии. Одновременно совместно с С.С. Шульманом ею была написана монография «Паразиты рыб Белого моря». Переехав в Ленинград, Рахиль Ефремовна временно работала в Институте рыбного хозяйства (1958 г.) и на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского университета (1959 г.). Но уже с 1960 года – она постоянный сотрудник кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ. Там в должности ассистента кафедры Р.Е. Шульман проработала до своего ухода на пенсию.

На кафедре зоологии беспозвоночных Р.Е. Шульман работала более двадцати лет. За эти годы она внесла весомый вклад в научную и педагогическую деятельность кафедры. Ею был выполнен ряд значительных исследований в области экологической паразитологии. В течение нескольких лет она проводила экспедиционные работы по паразитам рыб на озере Селигер и выполнила серию ценных экспериментальных исследований по изучению паразитов рыб, относящихся к разным группам. В области педагогической деятельности Р.Е. Шульман с большим успехом и на высоком научном уровне вела общий и специальный практикумы по зоологии беспозвоночных, проводила летние зоологические практикумы. Р.Е. Шульман руководила многими дипломными работами, которым она всегда уделяла большое внимание.

Выйдя на пенсию в 1980 году, Рахиль Ефремовна не потеряла связи ни с наукой, ни со своими многочисленными друзьями и учениками, многие из которых впоследствии стали докторами наук. Она занималась составлением сборника воспоминаний о В.А. Догеле и составлением библиографии к монографии «Класс Миксоспоридий мировой фауны», была секретарем биофака выпуска 1941 года и личным секретарем С.С. Шульмана. Рахиль Ефремовна – автор более 50 научных работ, в том числе ряда монографий.

Лия Шульман, Борис Шульман, Санкт-Петербург

Наш дом

*Сколько всякого мы позабыли,
Сколько снова забудем потом.
Чтобы вспомнить, какими мы были,
Загляните в семейный альбом.*

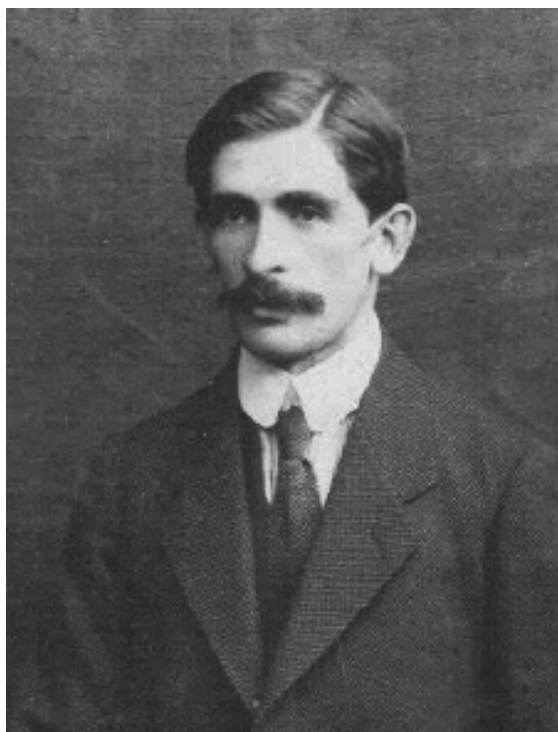
М. Танич. «Семейный альбом»

«Дом друзей», «Дом, согревающий сердца», «Дом, где много света и тепла», «Дом, где всегда находишь стулья», «Дом, где так много посуды»... Эти фразы взяты из воспоминаний «всех-всех» и из фольклора нашего Дома. О нем, о нашем Доме, о его гостях, его обитателях, его создателях и, наконец, о самом понятии, как явлении, мы и хотим рассказать, «заглянув в семейный альбом» – коллективную память: и нашу, и наших родителей, и наших друзей.

Человеческая память – явление своеенравное. Что-то запоминается навечно, а что-то теряется, иногда навсегда. Хотя иной раз, когда очень хочется вспомнить, то памятью сердца вдруг видится то, что казалось утерянным навеки. Так вдруг вспоминаешь время разговоров там, «где тепло и зимой, и летом» (Л.В. Алексеева), и куда «густым косяком плывут гости» (С.С. Шульман). И понимаешь, что «не стены, а люди – суть его» (Р.Е. Шульман). И осознаешь заново, что «всему хорошему обязан своим родителям» (С.С. Шульман). Потому как «имя твоё – корни прошлого» (Лия Шульман): ведь запомнил же ты навеки, что «дом твой – Древо Жизни» (Е.Г. Альбов)! И как тут не вспомнить слова Шаига Ибрагимова о «кавказской территории на Литейном»? Высказывания папиных однополчан об их «малой Родине в Ленинграде на квартире Шульманов», куда они все так стремились после официальных торжеств в День Победы? А «семинар на дому» папиных-маминых учеников? Ветви этого своеобразного Древа Жизни раскинулись так широко! От Лондона, где растит свою дочурку Света Колокольникова, до Грузии, где до сих пор работает любимая ученица отца Иза Гогебашвили; от Германии, где живет «дядя Веня» (д.б.н. В.М. Эпштейн), до Калининграда с Чингизом Нигматуллиным и Елизаветой Евдокимовой и Душанбе с верными учениками отца Умаром Джалиловым и Мамлакат Ашуровой. На «ветки» этого Древа можно наткнуться во многих городах и странах: в Калининграде, Майкопе, Москве, Мурманске, Петербурге, Петрозаводске, Тольятти, Ярославле; Баку, Вильнюсе, Ереване, Риге, Симферополе; в Австралии, Бразилии, Германии, Дагестане, Казахстане, Канаде, США, Чехии...

Дедушка Соломона – Гирш Шульман, казенный раввин Чернявской синагоги.

Родители Соломона Шульмана – Шмуэла и Рейзл, 1912 г.

А само Древо – это уже не только мы – его жители, но и все, кто приходил, приезжал, прилетал или хотя бы забегал на минутку! И это – не только наши родные, не только наши друзья, не только сослуживцы, но и друзья друзей наших! К нам, в наш Дом, в «нашу кре-

пость», как говаривала мама, каждый «тащил» (как говорил отец) своих друзей, что обычно делали и мы сами. Чтоб стали люди эти «всехними» друзьями, как стал отец наш «всехним Папой» (Тина Комлева) и как стала наша мама «лучшей подружкой всем-всем» (Наташа Красильникова), «жилеткой», как говаривала она сама... А сколько людей просто-напросто «кучковалось» (С.С. Шульман) вокруг! Список этот можно продолжать до бесконечности...

И все же невозможно не вспомнить «корни корней наших» (С.С. Шульман), фундамент нашего Дома: наших бабушек и дедушек. Много в их жизнях было различно, но как многое роднило их!

Родители отца были родом из Белоруссии, из местечка Чернявка Борисовского уезда. Мамин отец родился на территории Польши в одном из местечек Виленской губернии. А вот мамина мама родилась в Санкт-Петербурге. Но все они принадлежали к той части еврейской интеллигенции, где детям, во что бы то ни стало, любой ценой, старались дать образование! К тому же в семьях всегда царили любовь и уважение к старшим, высоко ценилось гостеприимство, мужество и стойкость перед любыми невзгодами.

И если папин отец, наш дедушка Самуил Григорьевич Шульман, получив религиозное образование, в 14 лет сдал экзамен на раввина, то наш другой дедушка, Ефрем Григорьевич Альбов, хоть и не стремился в раввины, религиозное образование тоже имел. Впоследствии папин отец стал врачом, с отличием окончив Юрьевский университет в Кёнигсберге. Работал земским врачом, воевал на фронтах 1-й Мировой, был преподавателем, завучем и директором Фельдшерской школы. Вырастил двух сыновей. Обожал работу на земле и, думается, посадил не одно дерево. Воспитал большое количество замечательных врачей: многие, очень многие почитали за честь называть его своим Учителем. Был он человеком очень талантливым, образованным, почти гениальным – каких только языков он не знал! И на всех он не только говорил, читал и писал, но и пел, сочинял и играл! И еще: при всех своих почти энциклопедических знаниях был он человеком скромности необыкновенной...

Мария Скебельская-Альбова с дочерью Рахилью, 1921 г.

Получил светское образование и дедушка Ефрем (мы, внуки, звали его уважительно «Дед», с большой буквы), окончил Московское коммерческое училище, что позволило ему сразу же после женитьбы с головой погрузиться в бабушкино «дело» – шляпный магазин и мастерскую. И он так расширил, так модернизировал его, что стал одной из первых жертв нэпа, которых отправили на Беломорканал. Правда, там он долго не задержался, ибо был слишком хорошим работником и блестящим финансистом... Прожил Дед до 94 лет, и до сих пор в Таллинне жива память о нем, как о замечательном человеке и чудесном друге! В нем было очень много того, что Л.А. Алексеева называла «кипучестью характера», отец наш – «квантум схватишь», а мама – «размахом». Ибо, как казалось всем, – для Деда не существовало ничего невозможного, ничего недостижимого; все он мог и все умел достать! А выйдя на пенсию, Дед ни минуты не сидел без дела: вечно кому-то помогал, что-то доставал, вечно о ком-то беспокоился и заботился. Каждый год, почти до конца жизни, приезжал к нам: походить по городу, по его улицам и музеям, посмотреть последние театральные новинки. Многие труднодоступные постановки увидели мы тогда благодаря ему. А еще он очень увлекался антиквариатом и «штался» (так он сам говорил) по букинистам... А когда в Таллинне снимали «Гамлета», попал на съемки, познакомившись с самим Козинцевым! У нас и по сей день сохранилось фото Деда в костюме испанского вельможи! А как он готовил – «до сих пор облизываются те, кто вспоминает его кухню!» (Л.В. Алексеева). И сегодня, до сих пор, многое в нашем Доме готовится, как «у Деда». Особую известность ему принесли кильки, названные папой «ТестьСбытТрест» и высылаемые нам огромными партиями...

На этой фотографии Ефрему Григорьевичу Альбову 92 года.

Ефрем Григорьевич Альбов и внуки: Лия Шульман, Григорий Смирнов, Борис Шульман. Таллин, 1983 г.

Первоклассник Соломон Шульман со старшим братом Бебой, 1926 г.

Как мы уже упоминали, обе наши бабушки тоже получили образование. И если бабушка Роза окончила фельдшерскую школу, то бабушка Маня – зубо врачебное училище. Обе они были очень красивы, каждая по-своему. Обе, имея шлейф поклонников, вышли замуж по большой любви. В каждой семье было по двое детей. И обе наши бабушки мужественно переносили все испытания, посланные им Судьбой...

Мама отца нашего, бабушка Роза, будучи кузиной своего мужа, жизни себе не представляла без него и, по воспоминаниям ее племянницы К.Л. Клебановой, всегда и во всем – и в радости, и в горе – «была рядом с дядей Самуилом». Еще невестой участвовала вместе с ним в еврейском освободительном движении; была рядом с мужем и в день получения «похоронки» на их старшего сына. Всегда была рядом с ним: и в мирные годы, и в дни Блокады, и в эвакуации, и в последний день его жизни... Бабушка была очень гостеприимна, великолепно готовила. До сих пор в памяти сохранилось выражение «розино вишневое варенье», до сих пор помнится его божественный вкус! Стряпня бабушки высоко котиновалась среди знавших ее – приезжавшая к нам недавно из Томска наша нянька Рая (Раиса Васильевна Ардашёва) хвасталась: «Из всей моей родни лучше всех готовлю я! Еще бы – ведь меня сама Роза Марковна учила!» Семья, вся наша родня, или, как говорится на идише, «мишпоха», была в то время весьма многочисленной, так как и бабушка, и дедушка были родом из многодетных семей. В Петроград – Ленинград в то время перебрались почти все родные, но почему-то все всегда останавливались лишь у них. Сюда, по воспоминаниям родных, шли «посоветоваться» (Э.П. Плавник), и «за жизнь поговорить» (С.С. Хейфец), и вообще «собирались, по обыкновению, у Шульманов» (Э.П. Плавник). В семье постоянно кто-то жил: то племянница из местечка Соня Хейфец, то чудом спасшийся в оккупации Яша Клебанов, то бабушкина родная сестра Либа Клебанова-Фридбург, потерявшая в годы войны всех своих близких...

Отец уверял, что все это шло от духа семьи, от его родителей. От «корней», как говорил он позднее.

А какие у них были застолья! Похоже, что именно они стали прообразом застолий в доме наших родителей: «В самой большой комнате накрыт большой длинный стол, и все места уже заняты. А во главе стола сидит тетя Роза – красивая, веселая, с укладочкой, а рядом дядя Самуил, не сводящий с нее глаз» (К.Л. Клебанова). При воспоминании же о застольях времен наших родителей прежде всего представляется большой полукруглый стол «сороконожка», где также с трудом можно найти место. Но, как говорили Вейно Эрик и Валя Глухова, «в этом Доме всегда все стулья себе находят». Стол «сороконожка» был примечателен еще и тем, что, собиравший вокруг себя огромное множество народа, имел при этом весьма поганое свойство: куда бы ты ни сел – неизменно натыкался на какую-нибудь из его ножек!

«Корни» нашей мамы – это семья бабушки Мани (Марии Мовшевны Скебельской), которая издавна жила в столице, владея шляпной мастерской и магазином при ней. Сама бабушка была женщиной характера сильного. Пятнадцати лет от роду, оставшись круглой сиротой, она одна, имея на руках младших брата и сестру, не только сохранила «дело», подняла младших, дав им обоим гимназическое образование, но и сама с отличием окончила Мариинскую гимназию и поступила в зубо врачебное училище. И никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы. Лишь однажды, незадолго до своей смерти, она вдруг разоткровенничалась с Лией, как со старшей: «Трудно даже представить, как тяжело мне было! И я хочу, чтобы вы, мои внуки, знали об этом. И пусть сейчас это понятно, важно и интересно лишь тебе – я думаю, что когда-нибудь это будет понятно, важно и твоим братьям тоже...» Происходила она из семьи людей высокообразованных и интеллигентных. И хотя 1-я Мировая война и Революция разметали и уничтожили почти всех ее родных, кое-кто все же остался жив. Так, неоднократно приезжал с гастролями Симфонический оркестр Швейцарии, где главным дирижером был ее двоюродный брат Леон... Знала бабушка и языки: до конца жизни не было для нее лучшего отдыха, чем провести вечер с томиком Мопассана на французском... Были в ее библиотеке книги и на английском, и на немецком. Она знала, любила и хорошо разбиралась в русской поэзии и литературе, прививая нам, внукам, вкус к ним. Кстати, самым последним в ее жизни подарком нашей маме стало полное собрание сочинений Мопассана на французском...

Свадебная фотография. Подпись: «Мы еще будем по настоящему счастливы!».

И если, по словам папы, наша мама «взяла от своих родителей все самое лучшее», то и он «всему хорошему обязан своим родителям». Соединив свои судьбы в 41-м, «в то время, когда регистрировали лишь смерти» (Р.Е. Шульман и С.С. Шульман), родители наши лишь закрепили и официально узаконили то, что зародилось много раньше. И так же как наш «Дед» Ефрем бережно, до самой смерти, хранил Ктуббу (еврейский религиозный брачный контракт), так и его дочь, наша мама, бережно хранила в памяти все, что касалось ее столь необычного замужества. Лишь совсем недавно в папиной «Вещевой книжке командира Красной Армии» обнаружилась их свадебная фотография, надписанная маминой рукой: «Мы еще будем по-настоящему счастливы!».

А познакомились они, когда им было по 8 лет, в далеком 24-м, учась в родной Аннен-Шуле. Правда, в школе их пути почти не пересекались: то учились в параллельных классах, то «вращались», как любил говорить папа, в разных компаниях... Но поступление на Био-фак Ленинградского университета объединило их навеки. Там, на кафедре зоологии беспозвоночных, впервые появилось слово «вместе»: вместе поступили, вместе ездили в экспедицию, вместе увлеклись паразитологией и вместе стали одними из самых любимых учеников В.А. Догеля. Любимыми учениками у любимого Учителя... Потому-то и имели они общих как школьных, так и университетских друзей, которые все любили собираться у нас.

Вообще, для них, наших родителей, слово «любовь» всегда соседствовало со словом «дружба», а иной раз являлось и синонимом его. В этом они были едины всегда. Лие запомнились долгие тольяттинские разговоры с отцом уже после кончины мамы. «Говорят, что мне повезло с женой, – сказал он, – но мне не просто повезло. Всё гораздо проще: мне повезло встретить настоящую Любовь, которая к тому же стала мне настоящим Другом на всю жизнь». В маминых сохранившихся письмах можно найти отголоски папиных слов: «Нет ничего в мире надежнее, чем настоящая любовь и дружба. За это счастье стоило жить».

Слова эти мама написала спустя «сорок и один год» после замужества. И, по ее словам, эти «сорок и один год, пролетели, как один день...»

Свое предложение маме отец сделал в день, когда началась Великая Отечественная война. А началась она на другой день после сдачи ими последнего госэкзамена. Вот как описывает мама эти дни: «Впереди была работа, аспирантура, выпускной вечер, планы, мечты... И вдруг все рухнуло – война. Надо решать, как жить дальше, что делать. Мальчикам просто – они все пошли добровольцами, а мы – за советом к Догелю. “Голубушки, – сказал Валентин Александрович, – лучшее, что вы можете сделать для Родины, – остаться на своих местах и добросовестно трудиться”»¹. Мама воспользовалась его советом и следовала ему долгие годы войны, как, впрочем, и всю свою жизнь.

«Мальчикам просто – они все пошли добровольцами», – писала мама. Пошел добровольцем и наш отец. 28 июня он подал заявление в Народное ополчение, а «4 июля – мы уже в Армии». Об этом он позднее напишет в своем докладе «40 лет снятия Блокады»: «Волею судеб вся моя судьба типична для защитников города Ленина». И далее в том же докладе: «В этой невиданной по масштабам битве в той или иной степени была связана деятельность всех жителей, всех учреждений. С особой силой это проявилось в Ленинграде, который уже на третьем месяце Войны стал городом-фронтом. Не оказался в стороне и Университет, многие студенты, преподаватели и сотрудники которого приняли непосредственное участие в боевых действиях». К этим незабываемым событиям своей жизни отец неоднократно возвращался: «Особенно ярко вспоминаются, конечно, наши однокашники – биологи. Среди добровольцев почти все “мальчики” пятого курса, только что сдавшие госэкзамены, но так и не успевшие получить своих дипломов» (из статьи Н. Шапиро и С. Шульмана в газете «Санкт-Петербургский Университет» № 12 от 21 апреля 1995 г.).

А потом были долгие годы войны, не простой путь от рядового до офицера. Первая военная должность отца называлась «повозочный санчасти 277 отд. пул. – арт. батальона». Поэтому и стала его любимой песня Л. Утёсова «Стой, лошадка верная». Когда мы теперь слушаем ее, то вспоминаем папины рассказы о том очень нелегком периоде его жизни. Но в папиных рассказах все выглядело так легко, так просто и так весело! Но, хорошо зная отца, все мы понимали цену этой легкости и веселья – недаром brave солдат Швейк был его любимым литературным героем. Как правило, чем смешнее и веселее выглядело все в папиных рассказах, тем сложнее и труднее ему было на самом деле. К тому же та ситуация была совсем не смешной: студентов-горожан прикрепили повозочными к лошадям, реагирующим лишь на ненормативную лексику. Но как тут радовался и веселился отец: «А я справился! Мне это было легко: все эти слова я и знал, и сказать их мог!» – и как-то незаметно опускал то, как трудно было ему, горожанину, управляться с лошадейю...

Вспоминаются и другие, более поздние его рассказы, которые, однако, ассоциативно тесно связаны с годами военной службы. Было это спустя полгода после кончины мамы, во время тяжелой, почти смертельной болезни отца. Тогда, после диких, с трудом переносимых болей, он вновь попал на операционный стол. И вот из реанимации, находясь между жизнью и смертью, он писал письма, успокаивающие и поддерживающие не только нас, его детей, но и его «однопалатников», так же боявшихся повторной операции... Письма эти, полные смеха, веселья, юмора, задора буквально зачитывались до дыр! В них больничная палата называлась «адам», операционная «чистилищем», а реанимация «раем с ангелами в белых и голубых халатах». Соседок своих по несчастью, годившихся ему в дочери, он называл «однопалатниками», пытаясь шуткой отметить их возраст: «Между двух прекрасных роз мухомор поганый рос...»

¹ Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»

А как же иначе – ведь слово «однополчанин» навеки осталось для отца одним из самых главных в жизни! Ведь именно они, его однополчане, были ему «роднее родных» (С.С. Шульман) долгие годы войны, и именно благодаря им он понял ценность слов «дружба навечно и верность до конца» (С.С. Шульман). И все они, долгие годы собиравшиеся у нас после официальных торжеств, стали нам тоже такими же близкими и родными!

Из сохранившейся автобиографии отца можно проследить его военный путь: «В рядах Красной Армии прослужил до 1944 года: сначала в качестве рядового, затем, с марта 1942 года, работал в качестве старшего лаборанта медслужбы Эвакуационного Госпиталя № 81, а с 5 сентября 1942 года – старшим лаборантом 325 ОИСБ Краснознаменной Мгинской Стрелковой Дивизии».

Вот еще один сохранившийся документ военного лихолетья – «Характеристика на лейтенанта медслужбы Шульмана Соломона Самуиловича»: «...обладает большим личным мужеством. Выполняя задания командования, неоднократно проводил работу под интенсивным артиллерийским и минометным обстрелом...» И вновь данные из сохранившихся военных документов и справок – сухие факты Судьбы: «Первое тяжелое ранение получил в разведке боем около Старого Петергофа 28 сентября 1941 года – слепое осколочное ранение в правое бедро, второе – 2 марта 1943 года – слепое осколочное ранение височной области...» Ранение было смертельным, но, тем не менее, он выжил и вновь отправился на фронт. Так, с осколком за левым глазом, «прошагал», как любил говорить он сам, до конца дней своих, умудрившись к тому же вернуться с двух «пятакров» живым...

Мама же работала в это время во 2-м Медицинском институте, куда ее устроил В.А. Догель. Позднее, вместе с институтом, она «эвакуировалась в город Пятигорск, а затем в город Красноярск» (из автобиографии Р.Е. Шульман). А эвакуировали их по Дороге Жизни, по уже тающему льду...

Шла Война, но не забывалась любимая работа, Учитель, любимая кафедра: «Пока Валентин Александрович был в Ленинграде, мы не теряли с ним связь и всегда чувствовали его заботу. Когда он был в Алма-Ате, мы писали ему не только о работе, но и о своих личных делах» (из статьи Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»). Отца тоже не раз командировали от медсанбата на родную кафедру для «приобретения лабораторного оборудования».

Но вот и третье тяжелое ранение отца – «осколочное ранение левого бедра и тазобедренного сустава», из-за которого он становится инвалидом. Случилось то, что позволит отцу позднее с усмешкой сказать: «...ползadницы положил на алтарь Отечества...» Но тогда было еще не до шуток: ведь «врачи запрещают работать»! И тут отец в полной мере почувствовал на себе замечательные качества своего Учителя, своего «В.А.», который «не бросал своих учеников в беде» (С.С. Шульман). «В 1944 году, – вспоминал отец, – я стал инвалидом войны II группы, и врачи запретили работать, особенно они были против научной работы. И в это время в госпиталь г. Рыбинска пришли два письма: от В.А. и его верного ученика, В.В. Дубинина. Письмо В.А. с приглашением в аспирантуру».

Отец, так же как и его учитель В.А. Догель, «не оставлял своих учеников в беде», помогая им во всем и всегда. Впоследствии и ученики отца «в тяжелые годы болезней и потерь на деле доказали, что они настоящие друзья» (С.С. Шульман). Многие из них помогали ему в редакционной подготовке 1-го тома его монографии «Класс Миксоспоридий». Друзей было так много, что трудно сейчас перечислить всех поименно. К сожалению, отец ушел из жизни, оставив этот труд ненапечатанным. И после его кончины пришла помощь. Так, в частности, благодаря его ученику О.Н. Пугачёву, эта монография, написанная отцом совместно с его ученицами З.С. Донец и А.А. Ковалёвой, увидела свет.

...А мама в трудное время, как всегда, была рядом с отцом. Бросив работу в Красноярском мединституте, где она проработала «со дня его основания по ноябрь 1944 г. на кафедре

биологии: сначала, как старший лаборант, а затем – ассистент кафедры» (из Автобиографии Р.Е. Шульман), она поехала преподавать в Рыбинскую фельдшерскую школу. А как же иначе – ведь именно в Рыбинске с тяжелым ранением лежал ее муж!

Здесь самое время сказать об одной из самых замечательных черт нашей мамы – ее самоотверженной верности и любви не только к мужу и детям, но и ко всем родным и всем друзьям. Впрочем, с того момента, когда появилось слово «вместе», – отец и мама были едины во всем. Всегда...

В марте 1945-го родители вернулись в Ленинград и сразу начали работать: она – лаборантом на родной кафедре, он – старшим лаборантом во ВНИИОРХе. А с 1946-го – они уже в аспирантуре у своего В.А. По маминым словам, «тогда были написаны мои первые статьи. На всю жизнь у меня осталась память, как он (Догель) учил меня писать». В архиве нашего дедушки Самуила нашлись эти статьи с посвящением «Дорогим родителям»... И так же, как В.А. Догель учил их, наших родителей, писать, так и они учили этому не только нас, своих детей, но и своих многочисленных учеников и друзей.

...И снова мама: «Когда я была в аспирантуре, у меня уже был грудной ребенок, и мне, честно говоря, было нелегко, но подвести В.А., сделать работу не в срок, плохо и в голову не приходило. Когда дочке исполнился год и 8 месяцев, я, оставив ее на руках бабушки и дедушки, уехала на 4 месяца на Белое море собирать материал» (Р.Е. Шульман «Мой дорогой учитель В.А. Догель»). После этой маминой экспедиции последовали и другие, особенно когда родители работали в Карелии. Так мы, дети, в течение еще 12 лет во время родительских экспедиций оставались в этой «камере хранения» (С.С. и Р.Е. Шульманы).

Пожалуй, в этом и кроется ответ на вопрос: «Что же оно такое – Дом Шульманов?». Наверное, когда не прекращается связь поколений и когда внуки, родители и деды – одно целое. И когда каждый отдает в общий Дом всё свое – всё, что он имеет и чем живет.

1949 год – год окончания аспирантуры. Успешная защита обоих, а на руках – только что родившийся сын... Хотелось бы еще раз сказать, еще раз подчеркнуть, что научную жизнь нашей мамы, Рахили Ефремовны Шульман-Альбовой, трудно отделить от научной судьбы нашего отца Соломона Самуиловича Шульмана. 20 лет проработала она на родной кафедре и, как сказано в Приказе ЛГУ от 24.06.1963 г., «...внесла весомый вклад в научную и педагогическую деятельность. Ею выполнен ряд значительных исследований в области экологической паразитологии, она – автор более 50-ти научных работ, среди которых имеются как солидные монографии, так и научно-популярные брошюры, помогала она отцу и в науке, работая над библиографией...» В совершенстве владея французским и английским, неплохо зная немецкий, будучи сама паразитологом, она стала отцу поистине незаменимым помощником. Иногда их интересы в науке совпадали, и тогда рождались совместные исследования. Таковой, например, стала монография «Паразиты рыб Белого моря».

Молодая семья, 1948 г.

Лия и Борис с мамой, 1952 г.

Выйдя на пенсию, мама «...и после этого не потеряла связи ни с наукой, ни со своими многочисленными друзьями и коллегами, многие из которых впоследствии стали докторами наук» (С.С. Шульман «Посмертное слово»). К тому же именно в эти годы мама приводила

в порядок архивы Дома: и дедушки Самуила, и свой, и папин, и архив папиной обширной деловой переписки. Помогала она отцу и в научной работе над библиографией к монографии «Класс микроспоридий Мировой фауны». А еще мама вела Дом. И была в нем не только гостеприимной хозяйкой, но и верным, преданным и чутким другом всем приходившим, приезжавшим и прилетавшим на консультации коллегам. Именно тогда друзья и стали поговаривать про «семинар на дому»...

Но в нашем Доме людей ждали не одни лишь научные консультации. Сколько замечательных людей приходило к нам, сколько было встреч и интересных разговоров! Вот слова московской журналистки Галины Зиновьевны Снитовской о нашей семье – «семье ученых-биологов и педагогов, людей глубоких знаний и широких интересов: не только коллеги, но и математики, артисты и поэты, не только земляки, но и гости разных городов страны приходили в их дом и окунались в атмосферу душевного понимания и высокой интеллигентности. Как немногие, знает отец художницы (Лии Шульман) Петербург— Ленинград, и особое наслаждение для него – водить людей по торжественным улицам и паркам, когда призрачность белых ночей придает трепетную зыбкость гармонически четким силуэтам архитектурных ансамблей. Эту атмосферу дома, эту родительскую любовь к городу впитала и дочь...» (Г.З. Снитовская, из Каталога к выставке «...город мой непостижимый...»). А нам хочется добавить: атмосферу Дома, любовь к Питеру начинал чувствовать каждый, «всяк входящий» (С.С. Шульман), ибо Город как-то неувовимо встал в нашу повседневную жизнь. Помнится, как, прочитав «Сестру печали» В. Шефнера, родители, стараясь совместить «прочитанное с увиденным», много времени посвятили прогулкам по Васильевскому острову, вместе разыскивая места, упоминавшиеся в книге. Случаев таких было много, как и книг в нашей библиотеке...

В нашем Доме, сколько мы себя помним, главной ценностью, главным достоянием всегда были книги. Библиотека получилась довольно уникальная: еще бы! – ведь каждый покупал, доставал, находил и приносил в Дом что-то свое! Так, от дедушки Самуила остались такие книги, как «Фауст» 1854-го и Ветхий Завет 1877-го, от деда Ефрема – сочинения Дубнова и Вл. Соловьёва, а от мамы и папы – огромнейшая библиотека по биологии и художественной литературе... Есть в ней и книги по искусству, так необходимые Лие, и книги, приобретенные Борисом... Есть в ней и раритеты. Нам известно, что некоторые книги «от нас» в свое время переправлялись в г. Горький Андрею Дмитриевичу Сахарову; мы помним и то время, когда родители, рискуя многим, помогали деньгами и одеждой ссыльным и политзаключенным.

А еще в Доме жила музыка! Сначала это была «музыка из патефона» из огромной коллекции еще довоенных пластинок (от классики до романса и народной, в том числе и еврейской, песни). Потом появились магнитофонные записи Галича, Высоцкого, Клячкина, Новеллы Матвеевой, Городницкого (песни последнего отец любил особенно). Еще позднее – проигрыватель «со всеми теми пластинками, что иметь в доме необходимо, потому что это помогает в работе» (С.С. Шульман). Вспоминается, как во время написания какой-то работы вместе с «дядей Веней» (В.М. Эпштейном) вновь и вновь в течение нескольких дней ставилась пластинка с музыкой Фрэнсиса Гойи. Вкусы обитателей нашего Дома не всегда совпадали. Например, если мама обожала романсы, то отец любил и ценил песни городского фольклора...

Друзья наши нам завидовали: «Как вам повезло с родителями!» Да, конечно, нам повезло – ведь наши родители были к тому же нашими лучшими друзьями! Впрочем, обычно, как правило, все наши друзья довольно быстро и вполне закономерно становились и лучшими друзьями наших родителей тоже. А сколько вообще друзей было у них? Школьные, институтские, однополчане, ученики... Но ведь только один отец за свою научную жизнь подготовил более 40 докторов и кандидатов наук! К тому же многие, не будучи его прямыми

учениками, начинали считать себя таковыми после одного лишь разговора с ним или одной консультации... А ведь были и мамы ученики! И наши друзья! И ученики учеников, и друзья друзей... Не перечислить сейчас всех, кто бывал у нас. Из далекой Америки от любимой племянницы отца пришли строки Памяти: «...ты даже представить себе не можешь, какое влияние он оказал на меня в юности...» (Лора Сорока).

И нам опять, в который раз, хочется подчеркнуть, что главной характеристикой и уникальностью нашего Дома были, есть и, надеемся, будут всегда гостеприимство и уважение к «всяк входящему», где бы этот Дом ни находился.

И если в десятиметровой комнатке на улице Белинского задержавшегося гостя укладывали спать на обеденном столе, то в комнате коммунальной квартиры на Литейном гостю могло сильно «повезти»: вместо раскладушки где-то под столом-«сороконожкой» он получал в свое единоличное владение комнатку-закуток за книжными полками... А сколько народу могло поместиться в квартире на Васильевском! Однажды там расположилась целая съемочная группа Ташкентского телевидения, по каким-то причинам не получившая мест в гостинице. Хозяевам в ту ночь пришлось ночевать в Линой мастерской.

Возвращаясь памятью в детство и вспоминая гостеприимство наших бабушек и дедушек, лучше понимаешь истоки радушия наших родителей. И вновь, в который раз, ощущаешь правоту маминых слов, что «все ушедшие живы до тех пор, пока жива память о них». А читая и перечитывая строки воспоминаний «всех-всех» – всех, кто смог написать «очень личное» слово Памяти, – хочется сказать им всем большое-пребольшое спасибо!

Встреча Нового 1996 года.

Ведь и для нас тоже, как и для всех, они – наши родители – до сих пор живы. Мы тоже, как и Коля Рассказов, проверяем ими каждый свой шаг, так же нежно и преданно любим, как и все, кто их знал. Так же безмерно преклоняемся перед ними и так же будем помнить их до последней минуты жизни. До сих пор им посвящаются труды и пишутся стихи. Ибо они – это мы: кровь от крови, плоть от плоти, разум от разума, жизнь от жизни... Ведь именно

благодаря им до сих пор существует наш Дом, где «тепло и зимой, и летом» и куда «густым косяком плывут гости».

Лия и Борис Шульманы, Санкт-Петербург

Воспоминания об С.С. Шульмане

Впервые с Соломоном Самуиловичем Шульманом я познакомилась в 1979 году. Я, Елизавета Борисовна Евдокимова, и аспирант нашей кафедры Игорь Анатольевич Евланов (ныне доктор наук) были приглашены на VIII Всесоюзное совещание по болезням рыб в Ленинград. И.А. Евланов был аспирантом Соломона Самуиловича. После заседания мы все были приглашены к Шульманам домой.

Помню старую ленинградскую квартиру, огромный стол, очень много гостей. Оказалось, что ученик Соломона Самуиловича, Коновалов, защитил докторскую диссертацию.

Не забуду, как радушно меня, малознакомого человека, принимала хозяйка дома Рахиль Ефремовна.

В 1984 году у С.С. Шульмана было место в аспирантуре, и я с благословения Е.Б. Евдокимовой стала его аспиранткой.

В 1984–1989 годах я очень много работала с Соломоном Самуиловичем. Он научил меня определять различные группы паразитических организмов, объяснял все тонкости определения. Соломон Самуилович много рассказывал о себе: как он воевал во время Великой Отечественной войны в составе ленинградского ополчения; как после войны, имея множественные контузии, стал работать над кандидатской диссертацией. Очень меня поразил рассказ о том, что ему кололи обезболивающие наркотические препараты, а потом нужно было от них отказаться, и для этого необходима была большая сила воли.

Не забуду я и об экскурсиях по Ленинграду. Соломон Самуилович водил меня по мостам города и рассказывал историю каждого из них. Он очень любил Ленинград и прекрасно знал его историю и архитектуру.

И еще одно событие, связанное с С.С. Шульманом, сохранилось в моей памяти – когда я закончила писать диссертацию и повезла ее на просмотр в ЗИН АН СССР. Поехала я зимой, где-то в январе. Когда уезжала из Калининграда, было -25 °С, приехала в Ленинград – мороз -35 °С. У меня был ленинградский адрес малознакомых мне людей, у которых я могла остановиться. Когда я узнала, что в городе такой холод, то очень заволновалась. И была чрезвычайно удивлена, увидев Соломона Самуиловича на вокзале. Встретив меня, он сказал, что я обязательно должна поехать к ним домой. Мы дошли до трамвайной остановки, и вначале я не почувствовала мороза, но, когда мы вышли из трамвая и направились в сторону дома, я ощутила страшный холод. Мне казалось, что я не дойду. Соломон Самуилович, почувствовав, как мне плохо, стал успокаивать меня, говорил, что осталось совсем немножко, что скоро мы дойдем.

Вспоминая этот случай, я не перестаю удивляться тому, что Соломон Самуилович в такой холод поехал меня встречать. Очень редкий научный руководитель способен на такой поступок. Меня всегда поражали его отзывчивость, чуткость и умение понять другого человека.

Так получилось, что работа по теме диссертации стала продолжением исследования моего учителя. Соломон Самуилович изучал паразитофауну рыб Кегумского водохранилища (бассейн реки Даугавы) в 1946 году, а я, спустя почти сорок лет, проследила изменения, которые произошли с ней в этом водоеме.

Елена Авдеева, Калининград

Этот милый, добрый дом

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

В.А. Жуковский

С четой Шульманов я познакомилась еще в дни моей молодости: встречалась в доме наших общих знакомых.

Настоящая близость пришла в 1961 году, когда я только что выписалась из больницы, где лечила свои сломанные кости, а после больницы оказалась в тяжелом положении – беспомощной и одинокой.

Эти замечательные люди, Соломон Самуилович (Сом) и Рахиль Ефремовна (Кика), как родную, приняли меня в свою семью. Сомик сразу стал заниматься исправлением моей походки (он недавно сам избавился от хромоты) и предложил мне лечебный комплекс, по которому он занимался сам.

Я стала часто бывать в этом милом, добром доме, подружилась с их детьми, начала заниматься с ними русской литературой. Полученная мной временная инвалидность дала мне свободные часы, которые я использовала для помощи Сому как машинистка. Так сошлись наши судьбы.

Вместе ходили в кино и театр, вместе общались с друзьями, среди которых было немало умных и талантливых людей.

Надо сказать, что дом Шульманов был поистине «Ноевым ковчегом». Среди учеников Сомы были люди самых разных национальностей, приехавшие в Ленинград из разных городов и весей. Всех их ждали радушный прием и помощь. Некоторых из них я брала на свои экскурсии, но большинство Сомик водил сам. Он прекрасно знал и любил наш город, а экскурсии водил превосходно.

Подружилась я и с милыми четвероногими этого дома, которые в периоды отъездов хозяев мирно «паслись» в моем доме. Дружба моя с кошачьим миром этого дома продолжается и сейчас.

Еще любил Сом юмористическую литературу и сам был автором многочисленных афоризмов и эпиграмм. Я тоже писала эпиграммы, и некоторые из них были написаны нами совместно. У нас даже выработался своеобразный язык с включением в него «новообразованных слов», которым пользовалась вся шульмановская семья.

Кика – бесконечно доброе создание – тоже опекала меня, учила кулинарному мастерству и беседовала со мной на французском языке. А главное, учила меня терпимости к мелочам жизни и выдержке.

И Сом, и Кика стали моей жизненной опорой. К ним я могла обращаться в трудные для меня минуты, они защищали меня от людей, которые, используя мою излишнюю доверчивость, могли принести мне зло.

Потеряв их, я осиротела. Единственным утешением служат мне их дети – Боря и Лиечка, в которых живут родительские традиции и которые для меня как родные.

Любовь Алексеева, Санкт-Петербург

Дом друзей

Много разных домов на свете,
Но навряд ли такой ты встретишь:
Где чужой, где почти незнакомый
Себя чувствует, словно он дома.

Дом, в который тыходишь без стука,
Где не верят облыжным слухам,
Где ты можешь излить свою душу
И тебя не устанут слушать.

Где тепло и зимой, и летом,
Где тебя ободрят советом,
Где всегда и во всем помогут,
Выйдут встретить, отправят в дорогу!

Здесь к твоим недостаткам терпимы,
Здесь не любят лишь подхалимов,
Ненавидят ханжей и трусов —
Что «катят на колесах турысы».

Если ты обижаешь слабых,
Если сплетни плетешь, как баба, —
Ручки этих дверей не трогай,
Убирайся своей дорогой!

Заходи, не робей, прохожий,
Коли ты на людей похожий!
Если ты справедлив, если честен —
Можешь выпить с хозяином вместе!

Любовь Алексеева, Санкт-Петербург

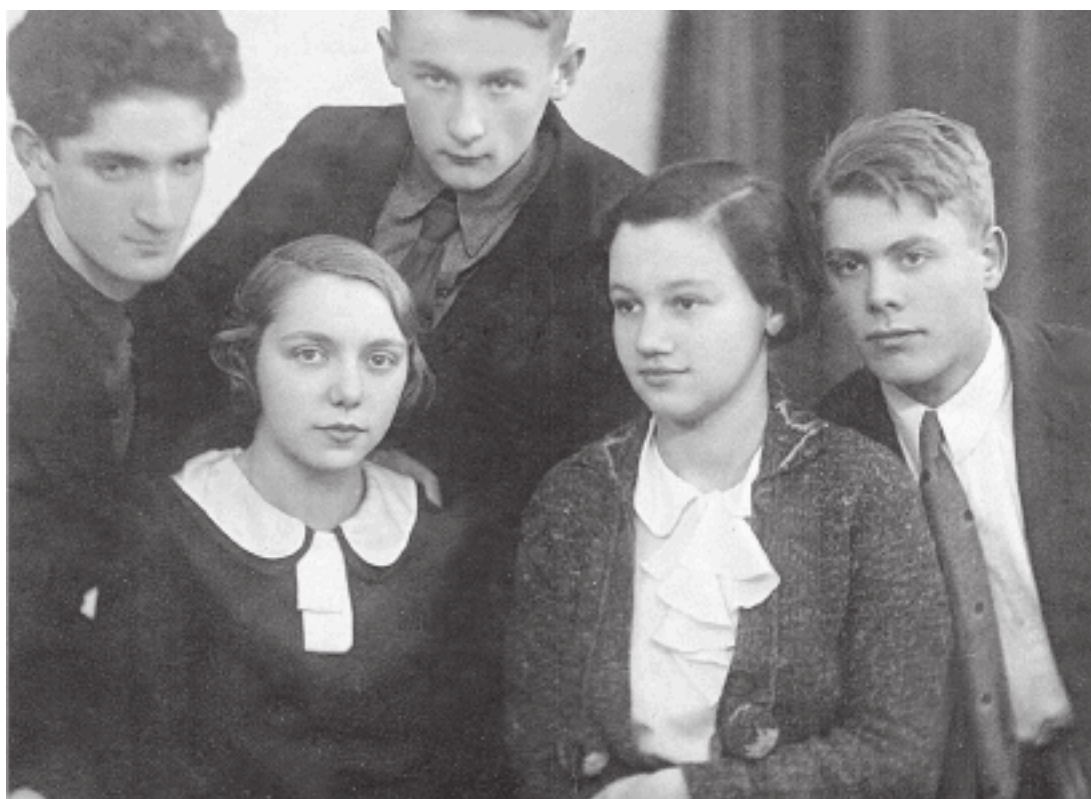
Вместе всю жизнь

Личность человека оценивается не только по его знаниям, но и по качествам, важным людям, которые окружают его. А эмоциональный мир человека ценится по соприкосновению с ним не только в обычных, но и в экстремальных ситуациях.

Именно такого рода встречи – и обычные, и экстремальные – случались у меня и с Соломоном (Солей) Шульманом, и с его женой Рахилью (Кикой) Альбовой почти на протяжении всей моей жизни. Ведь с ними я была знакома еще со школы! А с Солей – вообще с первого класса!

Вопрос формирования личности всегда надо начинать рассматривать со школы и семьи. Нам повезло со школой. Мы, к счастью, учились в бывшей Anne-Schule, где до 5–7-го класса еще преподавали настоящие педагоги. Мы все их очень любили и потом не раз вспоминали в течение всей жизни. А впоследствии заново осознали, что именно так надо учить и воспитывать детей.

На сохранившейся у меня первой нашей школьной фотографии Соля сидит внизу, на полу. И даже сейчас, глядя на фото этого небольшого пухленького мальчика, трудно себе представить, что в будущем он станет не только мудрым советчиком, но и в некотором роде Судьей! Впрочем, он стал им еще в нашем детстве: советчиком и судьей в наших детских спорах. Тогда, в детстве, Соля не разделял нашу компанию в веселых играх и танцах на большой перемене. Среди нас – шумных и драчливых – Соля уже тогда, в детские годы, был мудрым судьей. Причем суждение его принималось всеми безоговорочно.

Соломон Шульман среди школьных друзей, 1938 г.

Уже тогда было заметно его пристрастие к гуманитарным предметам. Когда и как он успевал прочитывать столько книг, причем на 5 лет вперед, – уму непостижимо! К тому

же был он неисправимым мечтателем: о каких неведомых странах и путешествиях он нам рассказывал! Он просто бредил ими...

Общеизвестно, что именно в годы юности, в молодости впервые встает вопрос о смысле жизни. Во время его решения и происходит открытие своего «я»: начинается процесс формирования личности человека и закладываются основы его духовности. По-видимому, именно в наши школьные годы зародилось у Соломона желание посвятить себя решению экологических проблем. Теперь, когда проблемы эти вышли в современной науке на первое место, я удивляюсь тогдашней прозорливости Соломона! И еще: именно с тех пор сам труд ученого стал для него источником удовольствия...

С Кикой (Рахилью Ефремовной) Альбовой я также виделась часто, обычно на занятиях драмкружка. Кика – мягкая, добрая, нежная и просто обаятельно-красивая – органично входила в наш круг.

После школы наши пути разошлись – высшее образование мы получали в разных вузах. Потом была Война. И лишь в 1945 году состоялась наша первая после Войны встреча. Эта первая встреча хотя и была недолгой, но почему-то запомнилась. Встретила я Соломона на Менделеевской линии, где тогда работала. Он шел, тяжело опираясь на палочку. И хотя был уже тогда инвалидом II группы, не жаловался на свою беду, а с увлечением рассказывал о своей работе на кафедре В.А. Догеля в университете.

Вспоминается один случай, рассказанный моим старым школьным другом Димой Ромашовым: о добром и, как я считаю, героическом поступке Соломона во время Блокады.

Находясь в Ленинграде в течение нескольких дней по своим служебным делам, Соля узнал, что Дима буквально умирает от голода. Он нашел Диму и поделился с ним своим скудным пайком. И позднее он наведывался и подкармливал его не раз. И я убеждена, что Соля не только спас, но и вернул Диме жизнь. Вот так и проявляется сущность человека в экстремальных ситуациях.

Но, как я уже говорила, кроме экстремальных ситуаций есть и обычные, житейские. Они также могут быть очень показательны при оценке качеств человека. Помню нашу первую послевоенную встречу школьных друзей. Было это в 1958 году. Это была встреча тех, кого не унесла, пощадила война. Мы были молоды, полны радостных планов. Встреча проходила у меня на квартире и готовилась сообща. Была выпущена газета, сочинен гимн. Большая часть наших «ребят» хвастались своими военными подвигами, своими успехами и достижениями. Но Соломон Шульман был предельно скромн, и в шуме, возгласах собравшихся его почти не было слышно...

Встреча наша завершилась в любимой школе, за партами, в присутствии учителя по физике. Мечтали и о новых будущих встречах. Но встречаться у меня больше не было возможности – приезд из Антарктической экспедиции мужа, маленькие дети... И предложить проводить подобные встречи у себя я уже не могла. И тогда Соломон пригласил всех, кто сможет и захочет, собираться в их доме 7 января: раз в год и без предварительного согласования. Так и получилось, что все последующие годы дом Шульманов превратился в дружеский «приёмник». Сюда приходили отметить какие-либо даты или просто посоветоваться. И конечно же, 7 января каждого года собирались все «школьники» – кто мог. Все необходимое делалось незаметно – казалось, в доме есть «скатерть-самобранка». Добрými «ангелами» этого дома были жена Соломона Рахиль и их дочь Лия. Следует заметить, что Лия получила в наследство от родителей ту же душевность и отзывчивость к чужим бедам. После ухода из жизни мамы Лия оставалась такой же заботливой хозяйкой, и дом Шульманов еще долгие годы оставался открытым для друзей. И кто бы ни приезжал в Питер, Соломон устраивал его как гостя у себя, помогая во всех делах и хлопотах. А Кика – его жена Рахиль Альбова-Шульман – была ему верной подругой, вернее другом, помогавшим во всем своему мужу, и ученым, прокладывавшим в науке свой путь.

Соломон Самуилович Шульман среди одноклассников, 1987 г.

И еще раз мне хочется отметить необычайную скромность семьи Шульманов. Их быт был более чем скромен. Новой мебели в их доме не было и в помине. Не было ни дачи, ни машины. Но уютность этого дома была в другом и притягивала иными качествами. Прежде всего, хлебосольством и гостеприимством. А главное, тем, что в этом доме жили неординарные и разносторонние люди. Люди широких мыслей, знаний и интеллекта.

Сама особенность характера Соломона выдает в нем необычайно разностороннего человека – человека, которого с успехом можно назвать личностью, достойной подражания. А внутренняя культура и человечность, настолько обычные для него, придают его жизни какой-то особый и значительный смысл.

Как сейчас, помню чтение Солей наизусть стихов поэтов знаменитых и не очень, его быструю реакцию на шутку, его тонкое понимание юмора и способность при каждой нашей встрече рассказать новую интересную историю! «Как сейчас» – ведь до сих пор мне не верится, что его уже нет с нами. До сих пор живы в моей памяти он, Соломон Шульман, и его жена, Рахиль!

Мария Арсеньева, Санкт-Петербург

От Рядового солдата до доктора наук, или Прикрыл отход Роты!

Посвящается пятидесятилетнему юбилею С.С. Шульмана

Под Петергофом 28 сентября 1941 года одна из рот 2-й дивизии народного ополчения получила приказ провести разведку боем. Для поддержки пулеметным огнем этой роты направили 2-й взвод первой роты 277-го артпулбата (отдельный артиллерийско-пулеметный батальон), в котором находился и тов. Шульман.

После непродолжительной, но интенсивной артподготовки рота прорвала оборону противника и успешно продвинулась вперед. Выполнив боевую задачу, рота отходила на исходные позиции. Ее отход прикрывали пулеметным огнем от наседающего противника. Внезапно вражеская мина разорвалась около огневой точки, где был тов. Шульман. Товарищ рядом был убит, а он сам тяжело ранен в правое бедро с переломом кости и обширным разрывом мягких тканей. Пулемет воздушной волной перевернуло.

Когда тов. Шульман очнулся, немцы делали перебежки в пятидесяти метрах от него. Секунда растерянности – и он попал бы в лапы к кровожадному зверю. Соломон Самуилович быстро установил пулемет и открыл огонь по приближающимся фашистам. В голове была лишь одна мысль: как бы задержать врага и дать возможность отойти роте. Немцы залегли, и атака их на какое-то время приостановилась. В это время наши минометчики открыли огонь по пехоте противника.

Пользуясь моментом растерянности противника, истекая кровью и превозмогая боль, тов. Шульман выполз в нейтральную зону и вытащил за собой пулемет. Дальше ползти не хватило сил. Ротные санитары подобрали его в бессознательном состоянии и вынесли на БМП (боевой медпункт пехоты).

После введения сердечных и обезболивающих средств он пришел в сознание.

Много времени прошло, пока его доставили в медсанбат и вывели из шокового состояния. На операционный стол он попал только через десять часов после ранения. Долго задерживаться в медсанбате не позволяла обстановка на фронте, и этой же ночью его эвакуировали в госпиталь. По дороге у него поднялась температура до 39 градусов. В госпитале, тщательно обследовав раненого, поставили диагноз: газовая гангрена. Были приняты срочные меры: сделаны глубокие разрезы мягких тканей, примочки с раствором марганцовокислого калия, подкожные инъекции антитоксических сывороток и т. д. В своих воспоминаниях тов. Шульман выразил глубокую благодарность врачам, которые так упорно боролись за его жизнь.

На лечении в госпитале он находился пять с половиной месяцев, рана закрылась, но функции конечности еще не восстановились, и Соломон Самуилович передвигался при помощи костылей. Госпитальная медицинская комиссия хотела его демобилизовать, но он на это не согласился и упросил оставить его в рядах РККА. Он говорил, что в блокадном Ленинграде каждый солдат представляет большую ценность и он своим трудом также будет помогать в борьбе с врагом. Его направили работать лаборантом в госпиталь. После того как он стал ходить без костылей, работа в госпитале его не удовлетворяла, он настойчиво стал просить направить его в войсковой район, где шла кровавая борьба за каждую пядь Русской земли. Начальник отдела кадров 55-й Армии Г. Дробинская учла его просьбу и направила старшим лаборантом в 325-й медсанбат 268-й СД (санитарной дивизии).

28 августа 1942 года тов. Шульман зашел ко мне в землянку, прихрамывая на правую ногу, и доложил, что явился в мое распоряжение на должность старшего лаборанта. Рассказал подробно о службе в артпулбате, ранении, лечении в госпитале и т. д.

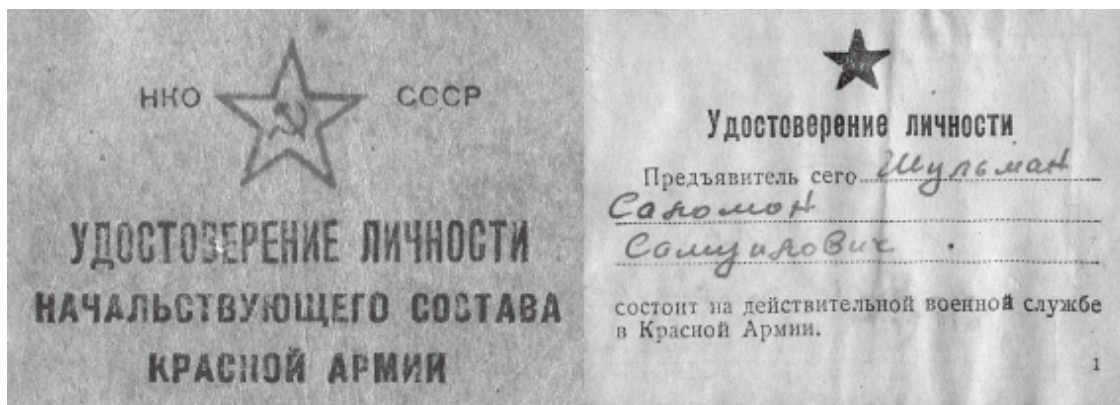
У меня возникло сомнение, сможет ли он выполнять такую трудную работу с больной ногой. Лаборант в медсанбате должен не только проводить исследование материала, сидя в лаборатории, но и ходить по частям и контролировать, как проводится забор его на месте. Он меня уверил, что это для него даже полезно, будет разрабатывать больную ногу. Я не мог не согласиться с его патриотическим доводом и принял его на работу.

В дивизию в это время пришло новое пополнение после боевых действий, нужно было проводить обследование переболевших дизентерией на бациллоносительство, обследовать источники воды на новом месте дислокации частей, проверять на калорийность пищевой рацион, и т. д.

С больной ногой он ежедневно ходил по частям, проводил забор материала, а вечером исследовал его.

Повседневной настойчивой тренировкой в ходьбе ему удалось разработать больную ногу и избавиться от болевого ощущения. Трудно себе представить, какая радость была на его лице, когда он докладывал: «Товарищ начсандив, боли в правой ноге не чувствую, могу выполнять любое задание». Надо было иметь большую силу воли, чтобы, преодолевая боль, ходить по 10–15 километров в день. За семь месяцев он собрал материал и сделал более 3000 анализов по дивизии. Во время боевых операций в январе и феврале 1943 года, по настойчивой просьбе тов. Шульмана, его направляли в помощь старшему врачу 952-го СП (Санитарной Дивизии) по организации выноса раненых с переднего края. 2 марта 1943 года, находясь на переднем крае, он снова получил тяжелое ранение – на этот раз в висок (осколок до сих пор находится за глазницей). После трех с половиной месяцев лечения в госпитале он вновь вернулся в свою родную 268-ю СД. Несмотря на два тяжелых ранения, при снятии блокады Ленинграда он принимал участие в пятисоткилометровом переходе с боями от Павловска до Пскова в составе санитарного взвода. Во время боев 952-й СП прорвал оборону противника по фронту на один километр и углубился на два километра внутрь расположения противника. Полк оказался как бы в «мешке». Местность была открытая, хорошо просматривалась. Противник с флангов простреливал всю территорию, и особенно плотный огонь был у выхода из этого «мешка». Фашисты все время старались закрыть «мешок», но безуспешно.

Вынос раненых был крайне затруднен, а поэтому были большие потери ротных санитаров и санитаров-носильщиков. Был тяжело ранен фельдшер второго батальона. Находясь в распоряжении этого полка работники санитарного взвода Шульман и Фунтиков помогали санитарам и санинструкторам оказывать помощь тяжело раненым бойцам и выносить их на БМП, а фельдшер Готов заменил и тяжело раненного командира санитарного взвода 2-го батальона.

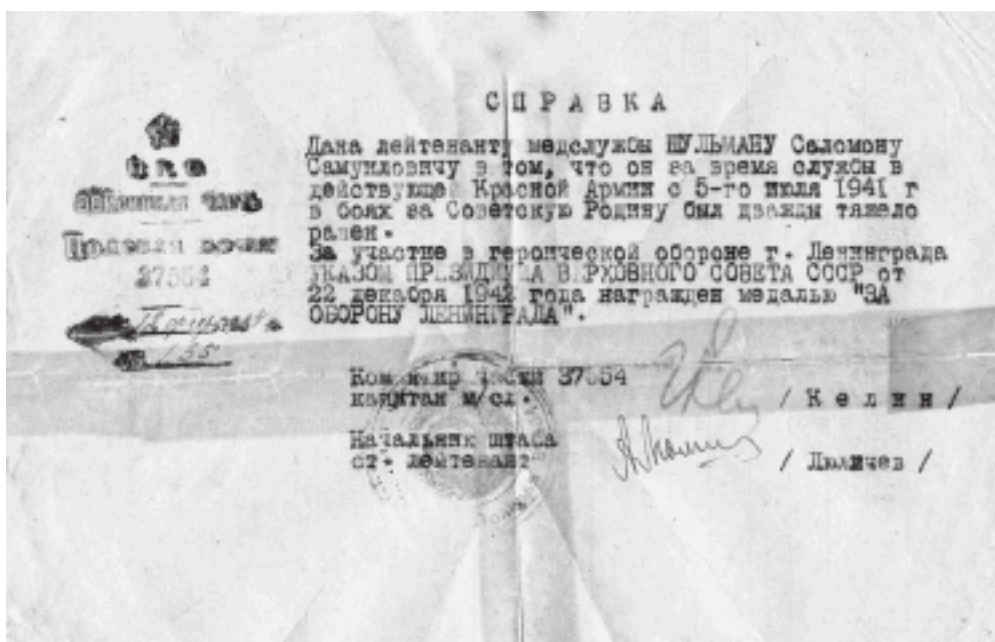

Удостоверение командира Красной Армии.

Соломон Шульман на фронте, 1943 г.

Во время перестрелки тов. Шульман в третий раз был тяжело ранен в левый тазобедренный сустав, с переломом шейки бедра и отломанным вертелом.

Справка о ранениях лейтенанта медслужбы Шульмана С.С.

Ранение было настолько тяжелым, что он не мог оказать сам себе помощь. С большим трудом сполз в находящуюся вблизи канаву, чтобы укрыться от огня противника. Он два часа лежал без помощи, истекая кровью. В этой-то канаве совершенно случайно его обнаружил санинструктор Фунтиков. Он оказал тов. Шульману помощь, вынес его на БМП, где фельдшер Готов наложил ему шину, сделанную из подсобного материала, ввел обезболивающие препараты, противостолбнячную сыворотку. С наступлением темноты тов. Шульмана эвакуировали в медсанбат.

РЫБИНСКАЯ С П Р А В К А
ВТЭК
Выдана для представления в Отдел
Ярославская обл. Соц. Обеспечения.

Гр-н Ф. И. О. Шульман Соломон Самуилович
Год рожд. 1918. Освидетельствован 12 сентября 1941
Рыбинской врачебно-трудовой экспертной комиссией
и признан инвалидом второй группы.

ПРИЧИНЫ ИНВАЛИДНОСТИ: Инвалид Отечеств. войны.
Признан трудоспособным: в своей профессии и в дру-
гой профессии.

Нуждается в -----
Подлежит переосвидетельствованию через три месяца
Может выполнять работы в качестве-----
Диагноз основного заболевания: Резкое ограничение
движ. в лев. тазобедр. и коленном суставах после
огнестрельного ранения лев. бедра с двойным пе-
реломом и неправильным соприкосновением отломков

Председатель ВТЭК (подпись) Старший врач
Врачи-эксперты Секретарь

Справка инвалида II группы.

Добровольцы биофака. Народное ополчение. Слева направо: Глеб Изюмов, Соломон Шульман, неизвестный, Слава Потоцкий, Натан Шапиро. 16 мая 1981 г.

В этом бою тов. Шульман оказал помощь и вынес с переднего края на БМП 17 тяжело раненных бойцов. За проявленное мужество и отвагу по спасению жизни раненых он был награжден Орденом «Красная Звезда».

В госпитале на лечении тов. Шульман находился более пяти месяцев. У Соломона Самуиловича было большое желание: День Победы отпраздновать в кругу близких и дорогих боевых друзей-однополчан. Но медики вынесли ему суровый приговор: при выписке из госпиталя демобилизовали из рядов РККА со снятием с военного учета. Пришлось начинать все заново. Но тов. Шульман не растерялся и в новых для него условиях. Он говорил, что при дружеской поддержке товарищей по работе и командования медсанбата ему удалось справиться со своим первым недугом – разработать правую ногу после тяжелого ранения. Преодоление своих недугов стало с тех пор его привычкой, даже тогда, когда медики подписали суровый, не подлежащий обжалованию приговор. «Надеюсь, что справлюсь и с этим недугом, который получил в 1944 году», – говорил Шульман. Несмотря на боль в левом тазобедренном суставе и осколок в виске, он отправился в научную экспедицию в 1945 году и занялся своим любимым делом – работой в области паразитологии. «Именно поэтому, – говорил Соломон Самуилович, – я в конце концов перестал быть инвалидом».

В 277-й артполбат тов. Шульман пришел сразу же после сдачи государственных экзаменов в университете – 4 августа 1941 года. Поскольку во время учебы в университете он занимался в кружке станкового пулемета, то по прибытии в часть его назначили вторым номером пулеметчика. С этого он и начал свою военную карьеру.

Надо было иметь большую силу воли, настойчивость, умение работать, чтобы при таких травмах, которые он получил в период Великой Отечественной войны, за двадцать лет пройти путь от рядового солдата до доктора биологических наук. Докторскую диссертацию тов. Шульман защитил в 1965 году. Мы, друзья-однополчане, искренне желаем Соломону Самуиловичу и дальше плодотворно трудиться на благо нашего Отечества.

Денис Банщиков, начальник 268-й Мгинской Краснознаменной стрелковой дивизии

Я храню самую добрую память об этих людях

Соломон Самуилович Шульман и Рахиль Ефремовна Альбова (Шульман) поступили на Биологический факультет Ленинградского университета в 1936 году. Они сразу же выбрали кафедру зоологии беспозвоночных, которой руководил крупнейший зоолог Валентин Александрович Догель.

Соломон Самуилович рано включился в работу кафедры и уже в студенческие годы участвовал в нескольких экспедициях, где собирал материал по паразитофауне пресноводных рыб.

В то время на факультете выпускалась еженедельная газета «Молния» под руководством моего сокурсника Владимира Левина. В коридоре, у двери на лестницу, которая вела к 133-й аудитории, стояли две доски – на них каждый понедельник появлялся новый выпуск. В этой стенной газете публиковали заметки о жизни факультета, цветными мелками рисовали карикатуры на студентов и преподавателей. Газета пользовалась успехом у студентов не только нашего, но и других факультетов. Рахиль Ефремовна хорошо рисовала, и ее всегда привлекали к работе по оформлению газеты. Она принимала также активное участие в оформлении аудитории при подготовке к различным кафедральным торжествам.

Студенты биофака, Петергоф, 1938 г. Слева направо: Тамара Познанская, Рахиль Альбова (Кика), Натан Шапиро, Тоня Косарева, Саша Лабода, Соля Шульман, Глеб Изюмов.

Рахиль Альбова – студентка биофака университета, 1938 г.

С.С. и Р.Е. окончили университет в роковой 1941 год.

В августе 1941-го руководство Биологического факультета приняло решение создать Государственную экзаменационную комиссию, чтобы студенты, окончившие IV курс, могли сдать выпускной экзамен и получить диплом. Я тогда была аспиранткой III курса, и мне поручили быть секретарем этой комиссии. Кроме того, меня привлекали к работе в деканате. Из ректората поступило распоряжение: личные дела закончивших учебу студентов, не сданные в архив университета, должны быть сожжены. До войны отопление было печное, но старые кафельные печи не функционировали. Поставили железные печки – такая была и в деканате, и в ней сжигали документы. Секретарь деканата сказала мне, что я могу взять документы знакомых и передать им. И я забрала аттестаты С.С. и Р.Е., а также некоторых других выпускников нашей кафедры.

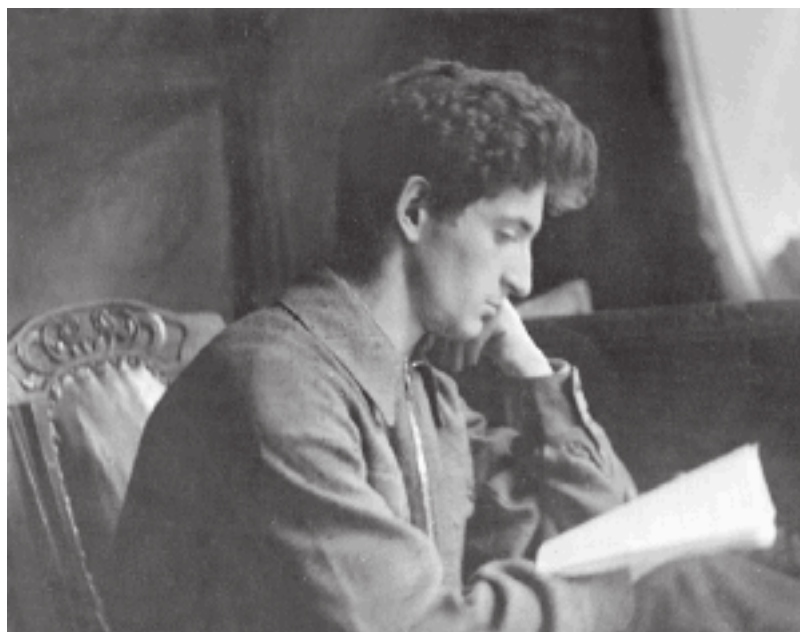
Три подруги – Р. Альбова, Т. Познанская, Т. Гинецинская, 1940 г.

В 1941 году Рахиль Ефремовна поступила на работу на кафедру биологии 2-го Медицинского института. Во время блокады мы жили близко и я часто встречалась с ней. Однажды она купила для меня даже бутылочку олифы – это была большая редкость.

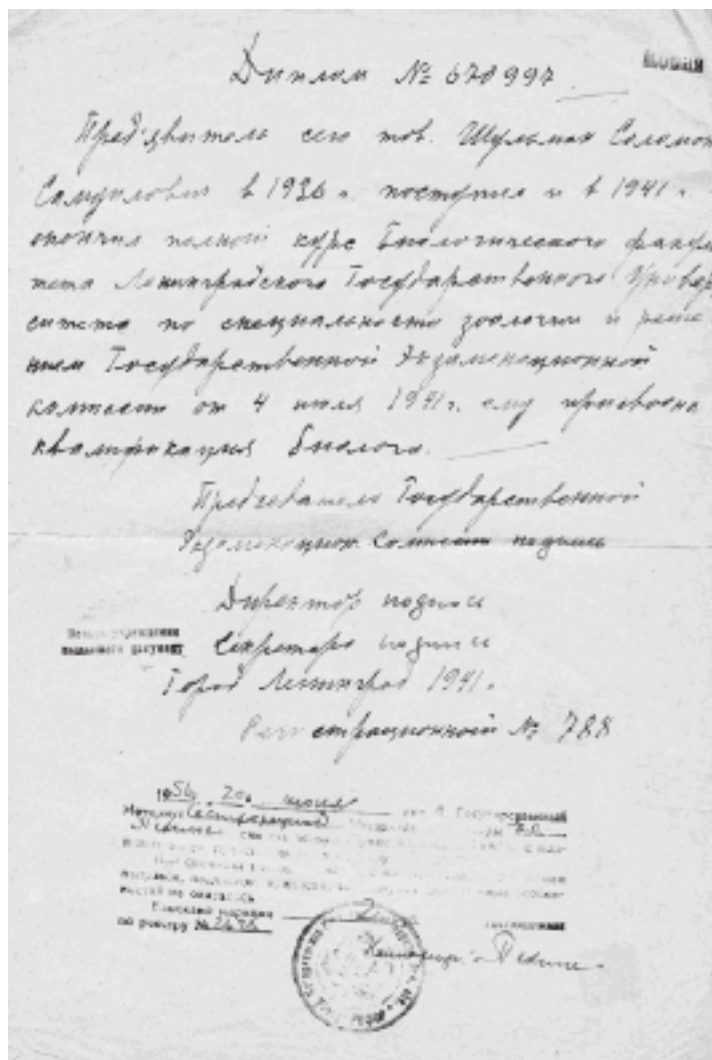
Студенческий пулеметный кружок, 1940 г.

Шульман ушел добровольцем в народное ополчение, участвовал в военных действиях и получил звание лейтенанта медицинской службы. Он трижды был ранен, последнее ранение было настолько тяжелым, что его демобилизовали и дали инвалидность II группы. Спустя уже несколько лет после окончания войны Соломон Самуилович с обидой и недоумением говорил, что он ежегодно должен проходить обследование для продления инвалидности.

Соломон Шульман – студент биофака университета, 1938 г.

После демобилизации С.С. работал паразитологом в Институте рыбного хозяйства. Его работой руководил В.А. Догель, и в 1949 году С.С. защитил кандидатскую диссертацию. Потом С.С. какое-то время трудился в Биологическом институте в Карелии, однако большую часть своей жизни он проработал в Зоологическом институте Академии наук в должности старшего научного сотрудника.

Копия диплома об окончании биологического факультета Ленинградского государственного университета.

Рахиль Ефремовна Шульман-Альбова, 1943 г.

Несмотря на подорванное здоровье, С.С. очень активно занимался научной работой. Для своих исследований он выбрал группу паразитических простейших – миксоспоридий. В 1966 году С.С. защитил докторскую диссертацию. Им было опубликовано множество статей и несколько монографий, большинство из которых посвящено миксоспоридиям. Его заслуженно считают лидером в изучении миксоспоридий не только в нашей стране, но и за рубежом. С.С. часто выступал с докладами на семинарах и научных конференциях, причем доклады его получали самую высокую оценку.

С.С. помогал многим молодым специалистам и руководил их работой.

Р.Е. Шульман-Альбова в 1946 году поступила в аспирантуру на кафедру зоологии беспозвоночных, ее руководителем был В.А. Догель. В 1949-м она защитила кандидатскую диссертацию по паразитофауне рыб Белого моря.

С Рахилью Ефремовной я общалась более тесно. Много лет мы проработали вместе на нашей родной кафедре зоологии беспозвоночных. Следует сказать, что Р.Е. была чрезвычайно добрым и внимательным человеком, всегда готовым помочь – будь то коллега-преподаватель или просто студент. Ее на кафедре все любили и уважали.

За несколько дней до ее кончины я пришла к ним домой. Рахиль Ефремовна была очень оживлена, и невозможно было предположить, что через несколько дней ее не станет...

Я храню самую добрую память об этих людях.

Мария Белопольская, Санкт-Петербург

Мои встречи с профессором С.С. Шульманом²

Я познакомился с профессором С.С. Шульманом довольно давно, почти полвека назад, примерно в 1968 году, когда был ещё студентом второго или третьего курса биолого-почвенного факультета Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). Произошло это на одном из семинаров кафедры зоологии беспозвоночных животных.

На соседней кафедре зоологии позвоночных животных, где я учился, тогда преобладал натуралистический подход, связанный с изучением образа жизни птиц и млекопитающих, а меня в то время больше интересовали проблемы эволюции и филогении животных. Сам я занимался ископаемыми черепахами и мечтал стать палеогерпетологом. Мой учитель доцент Лев Исаакович Хозацкий (1913–1992), преподававший сравнительную анатомию позвоночных и палеонтологию, обладал широким научным кругозором и всячески поддерживал мой интерес к общим проблемам зоологии. Поэтому время от времени, в том числе и по его наущению, я посещал научные заседания, организуемые «беспозвоночниками» в рамках своего семинара или от имени отделения зоологии Ленинградского общества естествоиспытателей. «Заходам» на соседнюю кафедру способствовало и то, что я входил в тесную дружескую компанию, преимущественно однокурсников, объединявшую студентов обеих зоологических кафедр, а также кафедр энтомологии, цитологии и генетики. Кроме того, на самой кафедре зоологии беспозвоночных царил более открытый, по сравнению с моей кафедрой, дух, чему способствовала и распахнутая анфилада комнат, в которых трудились студенты разных курсов, а их интерес к науке и различные инициативы поощрялись. Меня, несмотря на мою некоторую «чужеродность» (всё же «позвоночник»), принимали весьма дружелюбно, впрочем, как и всех студентов; я это чувствовал и тем охотнее посещал теоретические заседания и некоторые спецкурсы кафедры.

Однажды я узнал, что на семинаре кафедры будет выступать профессор С.С. Шульман с докладом, посвящённым происхождению многоклеточных животных. Заседание проходило в 143-й аудитории. Эту относительно небольшую «домашнюю» аудиторию обычно использовали для лекций в рамках спецкурсов, проведения практических занятий, а также для экзаменов и различных «пирушек» (банкетов после защиты диссертаций и т. д.). Объявленная тема доклада относилась к вечным классическим проблемам зоологии, над которой ломали головы многие выдающиеся зоологи из разных стран, например немецкий эволюционист Эрнст Геккель (1834–1919), И.И. Мечников (1845–1916) и другие. Конечно, она не могла не привлечь к себе внимания.

Мы с друзьями-«беспозвоночниками» пришли чуть раньше. Вскоре аудитория оказалась заполненной. Среди участников были известные учёные из разных учреждений, о чём мне сообщили мои приятели. По некоторому оживлению, царившему в аудитории, угадывалось, что заседание будет нестандартным. Вскоре появился и сам докладчик. Так я впервые увидел С.С. Шульмана³. Он явно выделялся своим обликом среди окружающих: уже не очень молодой⁴, невысокого роста, с крупной головой, покрытой кудрявыми жёсткими

² Хотя С.С. Шульман не имел профессорского звания, в моих глазах и в глазах моих друзей он всегда был профессором.

³ Вполне возможно, что наши пути пересекались и раньше, например в 1967 году на заседании отделения зоологии Ленинградского общества естествоиспытателей, где с докладом о роли полимеризации на разных уровнях организации выступал А.Д. Заморский.

⁴ Соломону Самуиловичу было тогда всего 50 лет, т. е. он находился в периоде своего расцвета, но мне, молодому студенту, казался немолодым учёным.

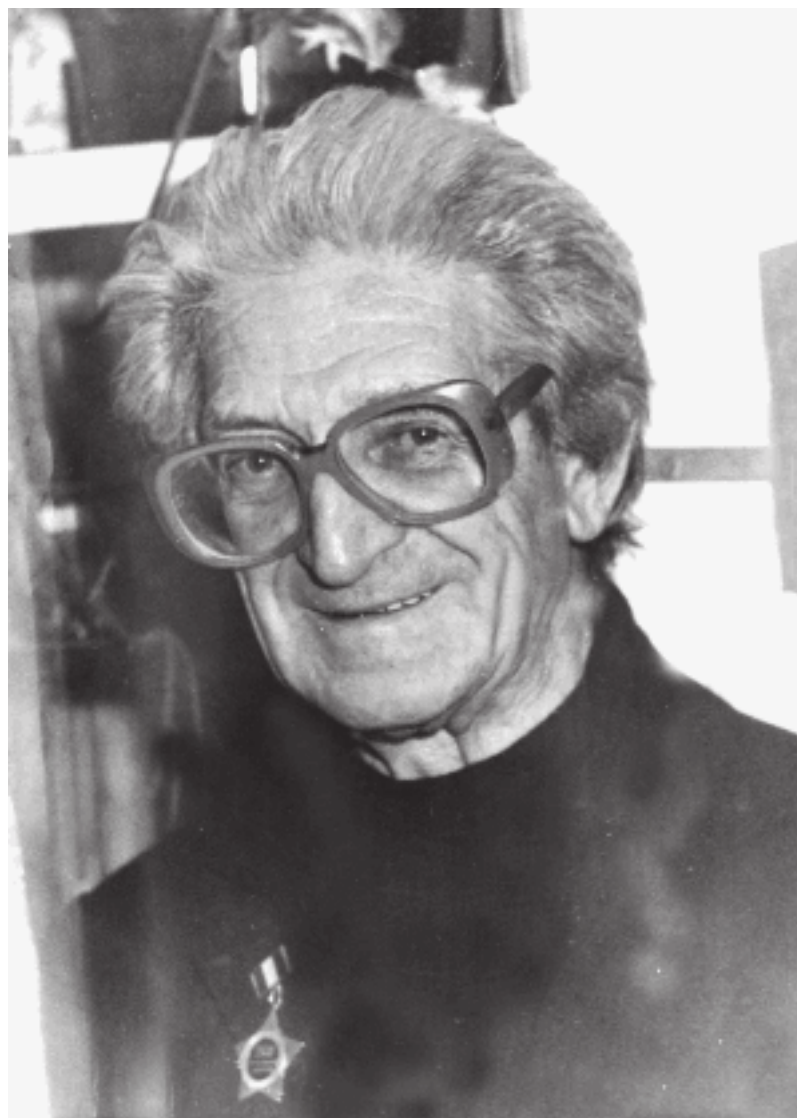
седеющими волосами, с характерной хрипотцой в голосе – казалось, он сошёл с одной из библейских картин художника Александра Иванова.

Соломон Самуилович Шульман, 1982 г.

Пикантность данного научного заседания заключалась в том, что проблемой происхождения Metazoa в течение многих лет занимался также профессор А.В. Иванов (1906–1992), чья монография «Происхождение многоклеточных животных. Филогенетические очерки» вышла во второй половине 1968 года. Артемий Васильевич был признанным учёным, лауреатом Ленинской премии за открытие нового типа животных – погонофор (1961). Он был связан с кафедрой, читал там курс сравнительной анатомии беспозвоночных. Надо заметить, что как А.В. Иванов, так и С.С. Шульман, оба выпускники кафедры, работая в разных лабораториях Зоологического института Академии наук СССР, принадлежали к знаменитой школе профессора Валентина Александровича Догеля (1882–1955). В своей деятельности они отразили различные стороны его широких научных интересов и общепризнанных достижений. Первый из них пошёл по линии эволюционной морфологии, а второй – по линии протистологии и паразитологии.

С.С. Шульман был очень известным специалистом по паразитическим простейшим рыб. Уже в 1966 году вышла его объёмная монография «Миксоспоридии фауны СССР». Эта группа любопытна тем, что её представители обладают многоклеточными спорами и демонстрируют дифференциацию и специализацию отдельных клеток. Таким образом, миксоспоридии являются как бы эволюционным «сфинксом»: с одной стороны, простейшие, а с другой – многоклеточные. Не удивительно, что пристально, в течение многих лет, изучая столь необычных животных, Соломон Самуилович пришёл к своему пониманию происхождения многоклеточности и Metazoa.

Соломон Самуилович Шульман, 1996 г.

С.С. Шульман, как и А.В. Иванов, относился к сторонникам колониального происхождения многоклеточных животных. Тем не менее он счёл необходимым указать на ошибки «колониалистов» (слово его – см. статью 1974 года). В своей гипотезе Соломон Самуилович опирался на принципы полимеризации и олигомеризации, также детально разработанные его учителем В.А. Догелем. Он полагал, что многоклеточность возникла в результате процесса полимеризации как результат размножения клеток, фактически развивая идеи, ранее уже высказывавшиеся В.А. Догелем. Кроме того, С.С. Шульман по-новому трактовал проблему смены индивидуальности, столь важную при переходе от одно- к многоклеточному организму. В 1968 году он опубликовал статью с изложением своих взглядов на эту тему. Надо заметить, что в своей монографии А.В. Иванов (1968, с. 16–17) также ссылаясь на процессы полимеризации и олигомеризации, указывая, что многоядерность у так называемых полиэнергидных простейших представляет собой процесс полимеризации. Однако он не обсуждал эти процессы в плане происхождения многоклеточных столь подробно и настойчиво, как это сделал С.С. Шульман, и иначе решал ситуацию с уровнями индивидуальности.

Доклад С.С. Шульмана на семинаре кафедры показал, что появился несколько иной взгляд на сложную проблему. С этого момента началось некое противостояние между ним и А.В. Ивановым по данной теме, которое продолжалось долгое время. Я помню одно из

выступлений С.С. Шульмана в конференц-зале Зоологического института АН СССР при большом стечении народа. После того, как он изложил свой взгляд на происхождение многоклеточности, слово попросил ученик А.В. Иванова Ю.В. Мамкаев (1933–2010), решивший выступить в дискуссии. По пути к трибуне он заявил, что к своему выступлению не готовился и поэтому будет говорить экспромтом. После чего вынул из внутреннего кармана пиджака отпечатанную на пишущей машинке рукопись страниц в пять, что вызвало ухмылки в зале, и зачитал её. Содержание было достаточно критичным. На том же заседании выступил профессор Ю.И. Полянский (1904–1993), авторитетнейший отечественный специалист в области протозоологии, который попытался примирить обе стороны, но всё же он явно склонялся в сторону позиции А.В. Иванова (который не выступал). С.С. Шульман отвечал, на мой взгляд, несколько агрессивно и даже позволил себе выпад в адрес Юрия Ивановича. Это было сделано, конечно, сгоряча и напрасно и вряд ли увеличило число ему сочувствовавших.

К сожалению, позицию самого Артемия Васильевича в этом многолетнем споре понять было трудно, так как он не любил выступать в формате публичных дискуссий, предпочитая свои аргументы выдвигать в статьях на страницах научных журналов. Известно, что А.В. Иванов весьма одобрительно относился к таким качествам учёных, как трудолюбие и опыт, и уважал своих коллег, проявлявших их. В связи с этим ценно воспоминание его ученицы, сотрудницы ЗИН РАН М.А. Гуреевой (2009, с. 149):

«<...> Своего вечного противника по проблеме происхождения многоклеточных С.С. Шульмана Артемий Васильевич высоко ценил как автора монографий и специалиста по микрорепродукциям [sic!] и в этом духе не раз высказывался»⁵.

Вернусь, однако, к семинару 1968 года. Тогда же мои приятели с кафедры зоологии беспозвоночных доверительно сообщили, что у С.С. Шульмана есть прозвище «Сом», которое ему дали давно, ещё чуть ли не в школе, и что оно совсем не обидное, но удобное своей краткостью, поскольку произносить длинное сочетание «Соломон Самуилович» не так-то просто. Действительно, как я потом убедился, сам С.С. знал об этом прозвище и относился к нему спокойно.

На этом семинаре в ходе обсуждения проявилось одно замечательное качество Шульмана – его склонность к иронии и меткому словцу. На вопрос сотрудницы кафедры Татьяны Александровны Гинецинской (1917–2009), когда он впервые пришёл к своим идеям о происхождении многоклеточных животных, докладчик, не задумываясь и с вполне серьёзным видом, ответил: «Давно, когда дружба народов в нашей стране была в самом разгаре!» В советское время на научных семинарах не очень-то было принято шутить, да ещё и с политическим подтекстом, поэтому не удивительно, что подобные высказывания, конечно же, сразу запоминались и уходили гулять в народ.

Следует заметить, что Соломон Самуилович слыл остряком и автором многочисленных стишков, остроумных, но подчас с весьма сомнительным содержанием и даже нецензурной лексикой⁶, но при этом не пошлых, как это бывает в анекдотах. Кстати, сами анекдоты он мне никогда не рассказывал. Его едкие эпиграммы и нелюбезные характеристики в адрес отдельных коллег, естественно, плодили число его недоброжелателей.

Возможно, всё на том же семинаре 1968 года или немного позже произошло моё личное знакомство с Соломоном Самуиловичем, чему содействовал мой приятель по кафедре

⁵ Гуреева М.А. 2009. Зёрнышки памяти. – В кн.: Мамкаев Ю.В. (ред.). Эволюционная морфология животных. К столетию со дня рождения акад. А.В. Иванова. – Санкт-Петербург: издательство С.-Петербургского университета, с. 143–152. (Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей; Серия 1, т. 97).

⁶ Некоторые приписывали авторство этих лихих виршей Л.С. Гликману, который дружил с ним. Леонид Сергеевич был ленинградским ихтиологом и палеонтологом, учеником Л.И. Хозацкого; в 1971–1989 годах он работал в Институте биологии моря Дальневосточного научного центра АН СССР во Владивостоке.

зоологии беспозвоночных С.А. Подлипаев (1947–2004), который был его учеником и часто общался с ним. В те годы мы, включая немного более старшего по возрасту члена нашей университетской компании А.Д. Наумова, студента той же кафедры, увлекались концепцией полимеризации и олигомеризации, которую Шульман положил в основу проблемы происхождения многоклеточных животных. Соломон Самуилович очень позитивно отнёсся к нашим студенческим рассуждениям и всячески поощрял их. На первых порах общение с ним меня немного смущало, так как казалось, что такому маститому и широко известному учёному вряд ли интересно выслушивать наши молодёжные фантазии. Однако вскоре, во многом благодаря друзьям, и в первую очередь Сергею, я понял, что отношение к нам у С.С. Шульмана самое серьёзное и наши мнения он воспринимает с любопытством.

Более того, будучи уже аспирантом и встречаясь с ним в стенах ЗИН АН СССР, я не раз вместе с друзьями заходил к нему в кабинет обсудить какую-нибудь идею или выслушать его комментарии, нередко довольно оригинальные. Насколько я теперь, спустя много лет, понимаю, С.С. Шульману общение с нами также было полезно в плане «обкатывания» своих идей по поли- и олигомеризации, поскольку в нас он мог найти, возможно и несколько наивных, молодых энтузиастов, однако готовых сочувственно внимать и непосредственно реагировать на разные мнения, так как наше восприятие ещё не было сковано условностями академической научной среды. Больше всего меня поражало, что Соломон Самуилович спокойно выслушивал даже наши возражения, чем выгодно отличался от некоторых профессоров и докторов наук, с которыми я, например, сталкивался на своей родной кафедре в университете (да и позже в ЗИНе).

Одна из проблем заключалась в понимании того, как могли осуществляться поли- и олигомеризация в эволюции животных. Так, С.С. Шульман полагал, что многоклеточное состояние возникало в рамках единого организма путём полимеризации за счёт неполного, незавершённого размножения. Однако размножение – это процесс, происходящий на индивидуальном уровне развития (или в рамках жизненного цикла). В таком случае неизбежно вставал вопрос: а как соотнести это с ходом эволюции, охватывающей миллионы лет? Каковы могли быть генетические механизмы полимеризации, ведущие к появлению и закреплению многоклеточности? Конечно, ни Соломон Самуилович, ни мы ответов на эти вопросы не знали. Тем не менее хотелось дать какое-нибудь объяснение. Надо заметить, что в те годы, когда мы учились в университете, советская генетика лишь недавно вырвалась из невежественных лап лысенковцев и прочих проходимцев, и её мужественный ореол науки-мученицы во главе с такими настоящими героями, как Николай Иванович Вавилов (1887–1942), воодушевлял молодых студентов. Генетика и эволюция были постоянными темами для теоретических разговоров в нашей компании, которая организовала для этого на биофаке даже свой «подпольный» «Эволюционный клуб».

Соломон Самуилович отличался истинным, не показным, демократизмом, общался с нами, как с равными, а не свысока, и это очень ценилось нами, молодыми. Иногда это выражалось даже в том, что он мог прочитать нам, конечно в очень узкой компании, какой-нибудь острый стишок (что не для дам) или рассказать какую-либо неформальную историю, в том числе связанную с университетом или ЗИНом. Причём это вовсе не было каким-то заигрыванием с научной молодёжью с целью повысить свою популярность в её глазах.

Наши дискуссии по проблеме поли- и олигомеризации продолжились и в середине 1970-х. В 1974 году в «Трудах Зоологического института АН СССР» (т. 53) вышла известная большая статья С.С. Шульмана «Проблема происхождения Metazoa», где он наиболее полно изложил свои взгляды на эту сложную проблему. В статье была, по-видимому, впервые процитирована и наша студенческая статья о надёжности работы систем органов в указанных

процессах эволюции⁷. В том же году была опубликована ещё одна наша статья, в которой мы попытались дать новое толкование поли- и олигомеризации и способов их осуществления⁸. При её подготовке мы, молодые авторы-аспиранты, не раз пользовались советами и Соломона Самуиловича, который с готовностью, не жалея своего времени, подробно обсуждал те или иные наши соображения.

В 1977 году в Зоологическом институте АН СССР состоялась Всесоюзная конференция «Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции организмов», посвящённая 95-летию со дня рождения В.А. Догеля⁹. Тогда же и под тем же названием под редакцией А.В. Иванова вышел сборник по конференции. С.С. Шульман выступил с докладом «Роль полимеризации в происхождении многоклеточности». Как было позже отмечено в обзоре конференции:

«<...> доклад вызвал весьма оживлённую дискуссию. В частности, с критикой представлений С.С. Шульмана выступил Ю.В. Мамкаев (ЗИН АН СССР), подготовивший полемический доклад “Полимеризация и олигомеризация как закономерности в эволюции организменных систем”»¹⁰.

Однако если читать опубликованный краткий текст, то там никакой критики нет. В нашем докладе, в котором речь шла о процессах и системах, мы привели ссылку на статью С.С. Шульмана 1974 года. Следует добавить, что по итогам этого в целом весьма удачного совещания был сформирован оргкомитет по подготовке следующей конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.А. Догеля. Было намечено провести её в ЗИН АН СССР в 1982 году по трём направлениям: общая протозоология, экологическая паразитология и эволюционная морфология. Естественно, что в состав оргкомитета вошёл и профессор С.С. Шульман.

После этой конференции мой интерес к проблемам поли- и олигомеризации понемногу сошёл на нет, что было связано с герпетологическими исследованиями, а также сильной загруженностью издательскими делами, которые были поручены мне в ЗИН АН СССР. Тем не менее мы периодически встречались с Соломоном Самуиловичем в стенах института, тем более что размещались с ним на одном этаже в административной части здания.

Надо заметить, что С.С. Шульман очень горячо переживал, как он считал, распад великой паразитологической школы В.А. Догеля (о своём учителе он, кстати сказать, отзывался всегда только положительно). Он винил в этом академика Б.Е. Быховского (1908–1974), который был не только директором ЗИН АН СССР – многие десятилетия ведущего в СССР института в области зоологии, – но и занимал массу других важных постов. Так, он был академиком-секретарём Отделения общей биологии АН СССР в Москве и даже членом Ленинградского городского и областного комитетов Коммунистической партии СССР (обком у нас, в отличие от Москвы, был важнее). Помню, как примерно в 1972 или 1973 году С.С. Шульман поругивал мне, зиновскому аспиранту, Бориса Евсеевича за то, что тот, почивая на лаврах, ничего не делает для института, и в частности для паразитологии. Он считал это особенно непростительным, так как Быховский был, несомненно, очень талантливым учеником В.А. Догеля и внёс на ранних этапах своей научной карьеры большой вклад в раз-

⁷ Боркин Л.Я., Наумов А.Д. и Подлипаев С.А. 1971. Значение полимеризации и олигомеризации в эволюции систем органов // Вестник Ленинградского университета. № 21. Биология. Вып. 4. С. 7–17.

⁸ Подлипаев С.А., Наумов А.Д. и Боркин Л.Я. 1974. К определению понятий полимеризации и олигомеризации // Журнал общей биологии. Т. 35, № 1. С. 100–113.

⁹ О подготовке и проведении этого совещания подробнее см.: Боркин Л.Я. 2009. Об Артемии Васильевиче Иванове (из мозаики воспоминаний) // Мамкаев Ю.В. (ред.). Эволюционная морфология животных. К столетию со дня рождения акад. А.В. Иванова. – Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета. С. 159–161. (Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей; Серия 1, т. 97).

¹⁰ Боркин Л.Я., Иванов А.В. и Мамкаев Ю.В. 1977. О совещании «Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции» // Журнал общей биологии. Т. 38, № 6. С. 951.

витие паразитологии. Поэтому, по мнению Шульмана, с него должен был быть и повышенный спрос. Сгоряча он весьма фривольно расшифровывал инициалы «Б.Б.», которые любил использовать академик. К сожалению, вскоре знаменитая лаборатория ЗИНа, давшая науке и стране многих известных паразитологов, превратилась в «Группу паразитических червей при дирекции», как было неудачно сформулировано в приказе по институту на радость зиновским насмешникам.

Вспоминается также С.С. Шульман в паре со своим преданным лаборантом Лёней Исаковым. Когда они были рядом, то чем-то напоминали героев «Дон Кихота» Сервантеса в известном советском кинофильме, только имели обратное соотношение размеров. Лёня был здоровенным детиной высокого роста, а Соломон Самуилович на его фоне казался ещё «короче», чем был на самом деле. Помню, как Лёня радостно рассказывал мне об их поездке куда-то в Среднюю Азию, где профессора принимали как важного гостя со всем пышным восточным гостеприимством. Лёня даже слегка пожаловался, что в итоге они всё же несколько устали от выпитого и съеденного, а также от чрезмерных забот хозяев, но, тем не менее, был страшно доволен и горд своим шефом.

В кабинете С.С. Шульмана порой царил некий беспорядок, чему очень способствовали различные посетители. Однажды мы с Сергеем Подлипаевым зашли по каким-то делам, вероятно, хотели в очередной раз обсудить проблему поли- и олигомеризации. В комнате была какая-то суеда, а Лёня судорожно вытирал тряпкой стол. «Что случилось?» – спросили мы. «Гликману опять не повезло с диссертацией», – спокойно ответил Соломон Самуилович. Оказалось, что Лёня и Л.С. Гликман, который приехал из Владивостока, слегка выпивали (оба были непромах по этой части) и опрокинули бутылку красного вина на докторскую диссертацию, которую Гликман уже набело отпечатал на машинке. Ему, действительно, не везло, так как в другой раз умер один из его оппонентов, и защиту диссертации отложили на неопределённый срок.

О Соломоне Самуиловиче всегда очень хорошо отзывались ученики. По крайней мере, я мог в этом убедиться на примере моего друга С.А. Подлипаева. Они ценили его как крупного, оригинального учёного, отзывчивого человека, всегда готового помочь.

В связи с этим хочу рассказать, как однажды он помог и мне, точнее моей жене. Она закончила аспирантуру в ЗИН АН СССР (по энтомологии) и какое-то время работала в Лаборатории систематики насекомых. Особых перспектив там не намечалось, да к тому же у жены явно появился интерес к работе с людьми и с книгой. Я, видимо, как-то обмолвился об этом при встрече с Соломоном Самуиловичем или сказал Сергею, а тот передал ему. По крайней мере, я сам никогда напрямую не просил Шульмана помочь в трудоустройстве жены, поскольку мне бы это и в голову не пришло: с какой стати ему помогать нам, посторонним людям, у него ведь и своих проблем немало?! Каково же было наше благодарное изумление, когда мы узнали, что он обратился с просьбой взять Лену на работу к своему другу Геннадию Александровичу Тарасову, который длительное время заведовал биологической редакцией в Ленинградском отделении издательства «Наука» и был известным в научных кругах человеком. После личной рекомендации С.С. Шульмана Лена была туда принята и со временем стала хорошим редактором, проработав в издательстве около 20 лет. Многие авторы, особенно зоологи, стремились отдать свои рукописи именно ей, понимая высокий качественный уровень её редакторской работы и ответственное отношение к делу, сочетаемые с уважением к автору.

Хочется отметить и ещё один момент: Соломон Самуилович очень гордился тем, что принимал участие в войне с фашистами. И по праву! Он ушёл на фронт добровольцем, участвовал в обороне Ленинграда, несколько раз попадал в тяжелейшие боевые ситуации, был трижды тяжело ранен. Однажды мы с Сергеем Подлипаевым увидели его в ЗИНе с орденами и медалями на груди. Вероятно, это был День Победы, праздник, отмечая который, в офици-

альных учреждениях принято поздравлять ветеранов войны. Соломон Самуилович коротко рассказал нам несколько случаев из своей военной биографии, без излишней суровости или сентиментальности, без бравады и пафоса, весьма просто, но мы ощутили, какое мужество требовалась от этих людей, ежедневно смотревших смерти в глаза. Одним из страшных эпизодов в его военной жизни был «Невский пятачок», где уцелели очень немногие.

Хотя мы никогда не обсуждали с С.С. Шульманом текущую обстановку в стране, тем не менее, было понятно, что наши взгляды, скорее всего, не очень сильно различаются. Повидимому, политические дела его не особенно привлекали, как и многих других советских учёных, особенно старших возрастов, а может быть, он просто не хотел поднимать такие темы при нас. В известной мере это было даже естественно, так как старшее поколение прошло суровую школу советских будней. Даже в «вегетарианские» времена позднего СССР можно было за «неправильное» поведение попасть, как говорили, «под раздачу». Кроме того, всепоглощающее увлечение наукой, своим делом было «основным инстинктом» людей такого типа. Тем не менее, Соломон Самуилович поддерживал демократическое движение научной общественности, понимал необходимость перемен в устройстве Академии наук, особенно в плане борьбы с бюрократией. Не удивительно, что он примкнул к Ленинградскому (с 1991 года Санкт-Петербургскому) союзу учёных, хотя и не занимал в нём впоследствии каких-либо должностей.

Последние годы работы С.С. Шульмана в ЗИНе были не очень радостными. В этом институте он провёл большую часть своей жизни, стал широко известным учёным, написал ряд книг и множество статей. Всё это принадлежало не только ему как человеку и исследователю, но и институту, где он трудился. И тем не менее, однажды его попросили уйти... С формальной точки зрения ничего предосудительного сделано не было, так как Соломон Самуилович достиг пенсионного возраста (ему было уже 68 лет). Но многие в ЗИНе (и не только) хорошо понимали, что разбрасываться такими кадрами институту не стоило бы, что это не красит, в первую очередь, сам институт. Естественно, С.С. Шульман достаточно тяжело переживал объявленное ему решение. Несмотря на возраст, у него было ещё много разных идей и планов, незаконченных рукописей, интересных научных задумок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.